

ЕКАТЕРИНА СЕВЕРНАЯ

Роман-антиутопия

СВОБОДНЫЕ И СЧАСТЛИВЫЕ

«Есть в мире вещи, за которые действительно можно умереть»

Екатерина Северная

Свободные и счастливые.

Роман-антиутопия

«Издательские решения»

Северная Е.

Свободные и счастливые. Роман-антиутопия / Е. Северная —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933154-0

Потеряв в автокатастрофе жену и дочь, Герберт просыпается после 40 лет комы и обнаруживает, что даже не постарел. Наука и медицина шагнули вперёд. Наступила «золотая эпоха»: в государстве не осталось преступников, уровень жизни вырос, все люди счастливы и занимаются саморазвитием, а алкоголь и сигареты практически под запретом. Но так ли всё идеально, как кажется на первый взгляд? Главный герой бросает вызов новому обществу и решается на первое за 20 лет преступление...

ISBN 978-5-44-933154-0

© Северная Е.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Глава 1. Девушка в оранжевом комбинезоне	6
Глава 2. Конец «века демона Кали»	8
Глава 3. Джа и апельсины	13
Глава 4. Адель	16
Глава 5. Прошлое и будущее	21
Глава 6. Контранархисты	28
Глава 7. Две стороны зеркала	32
Глава 8. Один вечер из жизни городского дружинника	42
Глава 9. Свидание в парке	46
ЧАСТЬ II	50
Глава 1. В штаб-квартире. День первый	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Свободные и счастливые Роман-антиутопия

Екатерина Северная

© Екатерина Северная, 2018

ISBN 978-5-4493-3154-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И настало золотое время, когда все люди храбры, добры и счастливы, и нет среди них грабителей и склонных к беззаконию. Нет больше ни смертельных болезней, ни обмана чувств и зависти, ни плача, ни гордыни и жестокости; нет ссор и несправедливости, нет вражды, обид, страха и страданий. В древнем эпосе, который был переведён с санскрита, это время носит название Сатья-юга и характеризуется как прекраснейшая из юг, эпоха изобилия и максимальных достижений человечества. Люди живут в красивых городах с сотнями дворцов, где каждый город подобен городу великого Индры. Их окружают сады, дающие вкусные плоды, парки с гирляндами душистых цветов и поющими птицами. Торговля и земледелие процветают. Это период наивысшей духовности человечества.

ЧАСТЬ I

Глава 1. Девушка в оранжевом комбинезоне

– О нет, чёрт, только не это! – я бегу, задыхаясь, вдоль реки, и в моём воспалённом от бессонной ночи с пятью чашками кофе мозгу проносится тревожная мысль, – Она хочет меня сфотографировать!

Кажется, оторвался. Спускаюсь по крутому обрыву к самой воде, сажусь на мокрый камень и судорожно хватаю ртом слегка морозный осенний воздух. Надо меньше курить, это правда – но не потому, что *они* этого требуют, а потому, что в свои тридцать пять я уже ощущаю себя глубоким стариком. Будто из меня насосом выкачали всю жизненную силу и энергию, а заодно и способность радоваться, да что там, радоваться, хотя бы просто – улыбаться.

Впрочем, я и есть глубокий старик. Ведь если бы я не пролежал последние прекрасные сорок лет жизни в коме, если бы не *их* «инновационное лекарство», которое остановило ход времени, пока я безмятежно проводил год за годом в блаженном небытие – мне был бы уже без четверти век.

Мой усталый взгляд лениво скользит по песку. Над водой туман. Дикий песчаный пляжик, узкая береговая линия, поросшая травой, тропинка в маленький лесок – тихий «зелёный» уголок в спальном районе мегаполиса. И всё бы хорошо, но здесь так чисто, чёрт возьми, так неправдоподобно чисто, что меня начинает мутить. Ни одного окурка на побелевшей от инея траве, ни единого фантика. Ни углей от костра, ни пустых бутылок. Ощувив невольную дрожь, пробежавшую по телу, я поёжился: никогда я к этому не привыкну.

Вдруг мои уши улавливают шелест подгнивших ноябрьских листьев. Я вскакиваю с камня и, не оборачиваясь, бегу вперёд, по кромке воды. Может быть пронесёт. Хотя бы на этот раз. Ну пожалуйста.

Так, чудесно, ботинки я уже промочил. Пальцы начинают неметь от холода, а тело решительно отказывается от столь спонтанных утренних пробежек. В боку колет так, словно в него вонзили включённую на полную мощность дрель. Всё напрасно. Я слышу её шаги сзади. Неужели ей больше нечем заняться в девять утра, кроме как преследовать незнакомцев с этим чёртовым фотоаппаратом?!

Резко останавливаюсь и оборачиваюсь. Так и есть – она. Та девушка с перекрёстка. Она всё видела, и теперь мне не оправдаться. Да я и не собираюсь.

– Доброе утро, уважаемый! Что, будете утверждать, будто просто совершаете утреннюю пробежку? – стоит передо мной, расправив плечи, в своём нелепом ярко-оранжевом комбинезоне, гордо вскинув голову, прищутив глаза и наведя на меня фотоаппарат, как пистолет. О, как он мне хорошо знаком! Этот проклятый миниатюрный стальной цилиндр с длинной раздвижной рукояткой...

– Нет, не буду. Что вы, ни в коем случае, – стараюсь не терять самообладания и казаться невозмутимым, пожимаю плечами я, – Вы совершенно правы в своих подозрениях. Я действительно курил прямо на улице, а потом, когда спешащий на работу прохожий сделал мне замечание – я громко пожелал ему провалиться в тартарары.

Кажется, от такой наглости все слова застревают у неё в горле. Она округляет свои огромные бесцветные глаза и не сводит с меня изумлённого взгляда, забыв даже, что намеревалась меня сфотографировать. Я же, в свою очередь, бесцеремонно разглядываю её с ног до головы. Молодая девушка, лет двадцати двух-двадцати трёх, с бритыми висками и длинными фиолетовыми волосами, убранными в аккуратный хвост на затылке. Оранжевый комбинезон с нашив-

кой в виде голубого цветка лотоса красноречиво выдаёт в ней почётного участника добровольных городских дружин.

Эх, в былые времена я бы охотно пригласил эту надменную красавицу в бар! – подливать ей в бокал вино и под сладкие звуки джаза с осторожной уверенностью охотника приближать своё горячее дыхание к её губам... М-да. Замечтался.

– Но вы же знаете! Я ценю вашу честность и не желаю вам зла, но теперь я, как свидетель инцидента, обязана вас сфотографировать, – наконец она берёт себя в руки.

– Валяйте, – глядя на девушку в упор, с насмешливой ухмылкой отвечаю я, принимая самую вальяжную и по-театральному независимую позу, на какую только способен, – Ещё всего лишь десяток снимков, и я буду избавлен от удовольствия лицезреть вас всех на целый год. Буду лежать дни напролёт на диване, жрать всё, что мне будут приносить и наслаждаться гедонизмом.

Участница городской дружины медленно опускает фотоаппарат:

– Раз так – то не дождётесь! Но я буду за вами следить. Такие, как вы – угроза для нашей «золотой эпохи»! – стремительно развернувшись, девушка быстро шагает прочь, впинаясь рифлёной платформой своих ботинок в песок.

– Эта ваша хваленая эпоха наступит только через 427 000 ле-е-ет! – исступлённо кричу я ей вслед, – Вы ошиблись в своих расчёта-а-ах!

Глава 2. Конец «века демона Кали»

Помню, как я проснулся. Три месяца назад. У меня нестерпимо зачесалась левая пятка. Я пролежал в коме сорок лет, а потом у меня вдруг зачесалась пятка, понимаете? Я преспокойно потянулся, приподнялся на постели, дотянулся до ноги и... тут меня накрыло. В памяти отчётливо всплыл тот жаркий и солнечный летний день, когда мы втроём отправились на пикник. Виола очень хотела поехать непременно к озеру. Она упростила маму надеть ей праздничное платьице, смешное такое, в горошек, и розовую панамку. Всю дорогу что-то весело лепетала и постоянно спрашивала своим звенящим голоском: «Папочка, а мы сколо плиедем?». Я вспомнил всё. Вспомнил спидометр, на котором моя ступня уверенно удерживала цифру «120». Вспомнил микроавтобус, стремительно летящий навстречу по моей полосе. И полный ужаса крик жены.

– Где моя жена? Где моя дочь? – я хватал санитаров за руки, как одержимый ковыляя на ватных ногах по коридору больницы, падая и снова поднимаясь, изо всех сил пытаюсь подчинить своей воле совершенно неуправляемое тело. А они только качали головами, цокали языками, хвалили какую-то вакцину, говорили что-то про вывод из комы за два дня, про заморозку кожи и про стимуляцию мышц электрическими разрядами, удивлялись, как молодо и свежо я выгляжу, растягивали губы в идиотских улыбках и очень вежливо просили меня успокоиться.

Наконец каким-то чудом мне удалось добраться до главного врача, где я узнал две вещи, которые за секунду превратили мою жизнь, вернее то, что от неё осталось, в непрекращающийся сюрреалистический кошмар из дешёвого фантастического фильма. Первое – мои жена и дочь мертвы. Второе – они погибли в тот солнечный день сорок лет назад. Сейчас – 2060 год. Наступила новая эпоха. Преступники каким-то чудом исчезли, общество вдруг стало идеальным, каждый человек без исключения счастлив.

И вот теперь *они* все заставляют меня улыбаться.

И всё-таки она меня не сфотографировала! Мне повезло. Я пришёл домой и, чтобы скорее забыть о неприятном происшествии, сделал несколько глотков абсента. Никогда не любил крепкие напитки в прошлом, но сейчас я прямо-таки к ним пристрастился. Затем, ощутив внезапный звериный голод, заглотил полдюжины бутербродов с колбасой. Принял душ. И откинулся в кресле перед новым компьютером, который представлял собой огромный сенсорный экран. Очки виртуальной реальности, которые прилагаются к нему, я не надеваю почти никогда – не люблю, когда какие-то люди вдруг начинают свободно разгуливать по моей комнате. Предпочитаю «по старинке» лицезреть их исключительно по ту сторону экрана, в плоском формате, без всяких там современных «10-D-эффектов погружения» и прочего.

О нет! Я попал как раз на онлайн-трансляцию. Эти проклятые трансляции, когда кто-нибудь из активистов «золотой эпохи» выступает с пламенной речью, проходят всё чаще и чаще! И каждый, кто в этот момент оказывается в интернете, вынужден их смотреть – портал с прямым эфиром открывается автоматически, а все остальные сайты на это время блокируются. Это будет похуже, чем телевизионные программы новостей из моего времени..! Там хотя бы можно было переключить канал. Ну что же. Пусть. Я поморщился и приготовился к очередной обработке моих мозгов.

«Друзья мои, Кали-юга, век демона Кали, тёмная эпоха наших дедов, прадедов и сотен поколений до них закончилась, и мы с вами вступили в новую золотую эпоху – Сатья-юга! Каждое утро я просыпаюсь с радостью и благодарю всех вас за то, что мне посчастливилось родиться и вырасти в одном мире с вами – людьми, которые живут по совести, непрестанно

развиваются, раскрывают свои таланты, щедро делятся с окружающими своими лучшими качествами и делают реальность вокруг себя светлее и красочнее с каждым днём!».

Как загипнотизированный, я пялился в экран. Мне улыбалась та самая красавица с фиолетовыми волосами, бритыми висками и цветком голубого лотоса на нелепом оранжевом комбинезоне. Да уж, насыщенный у неё график! Утром патрулировать улицы, днём выступать в прямом эфире... Каким же фанатиком надо быть, чтобы добровольно всем этим заниматься! Я нервно затянулся дымом, стряхнув пепел прямо на пол.

«И вот уже совсем скоро мы вместе с вами придём к тому, что уровень осознанности нашего общества возрастёт настолько, что отпадёт сама необходимость в наличии государства – и тогда мы впервые в истории развитого человечества установим абсолютную, великую Анархию! Мы будем жить по правде и по любви, а не по строгим законам. Чтобы это прекрасное время скорее наступило – помогите нам бороться с отголосками Кали-юги, с тем злом, что перешло в наш новый Мир из прошлой эпохи. С теми людьми, которые подрывают саму основу нашего идеального общества, которые наполнены злобой и пороками, потакают своим слабостям и потенциально способны совершить преступление! По нашей статистике на данный момент остаётся всего десять процентов таких людей. Вместе мы быстро выявим их – и протянем руку, чтобы помочь шагнуть на порог новой светлой эпохи! Присоединяйтесь к нам – вступайте в ряды городских дружинников!».

Мне вдруг отчётливо представилось, что моя голова – это большой надувной шар, который изо всех сил накачивают воздухом, состоящим из жизнерадостных лозунгов, сладких обещаний, добра, света, любви и прочего. Да так сильно, что она вот-вот лопнет, рассыпавшись на разноцветные конфетти, сердечки и звёздную пыль.

Я громко выругался и вырубил компьютер.

Сатья-юга преследует меня и дома, и на улицах, от её жизнерадостного смеха не скрыться, как от клоуна-убийцы. Я лишний в этом обществе. Я физически не смогу стать счастливым, даже если меня будут призывать к этому под дулом пистолета.

Разумеется, поначалу я категорически не верил в эту утопию. Сама человеческая природа слишком несовершенна, чтобы можно было говорить о полностью очищенном от пороков и преступлений государстве, об идеальном обществе и абсолютно счастливых людях. Мне казалось, что я стал жертвой какого-то розыгрыша, эксперимента; что вот-вот занавес поднимется, и я увижу за кулисами режиссёра и звукооператора, услышу шум тысячи аплодирующих мне ладоней, а потом из зрительного зала ко мне выбежит жена, нежно обнимет и скажет: «Ты отлично сыграл свою роль. А теперь всё позади. Не было никакой аварии, всё подстроено. Разве ты не догадался? Пойдём скорей домой, дочка ждёт нас».

Но ничего такого не происходило, шутка затягивалась и неумолимо превращалась в реальность. Я отчаянно сопротивлялся, однако в конце концов мне пришлось поверить. Да, я не смог принять, но поверить пришлось. Позднее я узнал, что за последние сорок лет генетика сильно шагнула вперёд, и учёные, наконец, изобрели какие-то там безошибочные механизмы для выявления и измерения уровня «гена агрессии». И тем, чей уровень этого гена превышал норму, назначался курс специальных гормональных медикаментов. Более того, молекулярные биологи сейчас всю учатся редактировать геном человека, менять фрагменты его ДНК и всячески улучшать их, чтобы в ближайшем будущем проектировать «дизайнерских детей»: без наследственных заболеваний, с улучшенными интеллектуальными и физическими характеристиками.

Ну а пока ещё люди так несовершенны, с ними ведётся интенсивная работа: уколы «против агрессии» и пропаганда. К делу активно привлекаются психотерапевты, психологи и прочие светила «науки о душе». Всех хоть немного предрасположенных к нарушению закона граждан немедленно начинают «перевоспитывать»: отправлять на развивающие курсы, прививать позитивные установки и основы морали, *заставлять* испытывать чувство благодарности

и любви ко всему сущему. Особо упорных ждут «исправительные капсулы» – новые гуманные тюрьмы, где заключённому изо всех сил *причиняют* добро и *прививают* счастье.

Куда делись все настоящие преступники? Говорят, их переловили всех до единого при помощи Городской Системы Слежения. По слухам она представляет собой огромную карту, на которой в режиме реального времени отображаются все перемещения любого человека в пределах любого города нашей страны и ближайших окрестностей. Как такое возможно? На улицах, в магазинах, ресторанах – повсюду экраны, компьютеры, телефоны, камеры и фотоаппараты. Просто гуляя по городу, ты неизбежно попадаешь в их зоны видимости. Они автоматически считывают движение, сканируют твоё лицо, а также номера машин, и делают бесчисленные отметки на этой закрытой карте. И по фотографии лица отследить все перемещения человека очень просто. Вот почему городские дружинники так любят сканировать лица своими так называемыми фотоаппаратами.

За каждым жителем государства следили день и ночь. Когда закончились преступники, настал черёд мелких нарушителей. И – вуаля – двадцать лет назад по всей стране официально объявили, что преступников у нас больше нет. После чего торжественно провозгласили начало новой «золотой эпохи» – Сатья-юги. А всеми уважаемый лидер нашего Правительства – интересно, только мне он кажется сумасшедшим фанатиком? – начал гнуть свою линию про беспрецедентный мировой эксперимент: отмену законов и установление анархии в самом ближайшем будущем.

Похоже, это будущее уже наступает. Я ничего не пропустил. Что ж, я уже купил попкорн и уселся в кресле поудобнее. Я готов к представлению. Начинайте! Только, прошу вас, позвольте мне не хлопать, не заставляйте меня демонстрировать бурный восторг и радость! Я не стану бросать на вашу сцену розы.

Сегодня – самый обычный день. Мрачный и хмурый, как всегда в ноябре. Пожалуй, *им* стоит запретить дождливые дни и заставить солнце светить 365 дней в году, а ещё лучше – круглые сутки.

После вынужденной утренней пробежки и онлайн-трансляции я ещё полтора часа провалялся в постели, чтобы убедиться в полной безнадёжности своих жалких попыток заснуть. От усталости валюсь с ног, а спать не могу. По правде говоря, с некоторых пор я ненавижу принимать горизонтальное положение в принципе. Ха, интересно, с чего бы это? Десятилетия, проведённые в коме, были прекрасны. По крайней мере я ни о чём не знал. И лучше бы мне было вообще не просыпаться.

Выпив седьмую кружку кофе за сутки и выкурив тридцатую сигарету в смутной надежде как можно скорее подорвать своё и без того не слишком крепкое здоровье, я вышел на улицу. Вроде бы всё знакомое, то же, что прежде – а вроде и нет. Тихий двор многоэтажного дома. Идеально чистые газоны и улицы. Автомобили больше не стоят вдоль и поперёк двора, все спрятаны на многочисленных подземных парковках. Сорок лет назад меня бы такой расклад порадовал, но теперь мне всё равно. Права у меня временно забрали, мол, разучился машину водить за столько-то лет, да и правила дорожного движения несколько изменились – пожалуйста, любезный, снова в автошколу. Сейчас, правда, обучение занимает всего несколько часов: больше половины автомобилей управляют на автопилоте, остальные, как я понял, в полуавтоматическом режиме.

Впрочем, меня это мало интересует. Как ни странно, мне даже совсем не любопытно. Не уверен, что хочу снова за руль. Не уверен, что мне вообще есть, куда ехать.

Хорошо ещё, обе квартиры каким-то чудом сохранились за мной. Хотя почему чудом? У нас же идеальное общество! А наследников и родственников у меня не было. Теперь я избавлен по крайней мере от необходимости думать, где жить и на что жить. Одну квартиру я сдаю

при помощи агента, он забирает себе свой процент и раз в месяц прилежно переводит основную сумму мне. Этого вполне достаточно, чтобы платить по счетам, покупать какую-то еду и алкоголь. А большего мне и не надо. Мои запросы стали удивительно скромными – был бы в доме кусок мяса да бутылка жидкости крепостью выше сорока градусов.

Кроме квартир у меня ещё были кое-какие сбережения в банке в виде вклада. За сорок лет там могли бы накопиться миллионные проценты! Но все проценты и сам вклад прибрала к рукам клиника, где я лежал – чтобы покрыть расходы на моё столь длительное содержание, на все эти процедуры и лекарства, которые неумолимо поддерживали во мне жизнь.

Для начала я направился в «магазин эпохи Кали», как его теперь называют. Самый обычный в прошлой жизни магазин, в котором можно купить вино, абсент, сигареты, кофе, чипсы, пиццу и мясо, теперь изо всех сил осуждается обществом. О, наше великое свободное общество! Ничего не запрещено, но эти магазины находятся в значительном удалении от многолюдных улиц, они словно стыдливо прячутся в лабиринте дворов, без вывесок, без рекламы, окрашенные в унылый серый цвет. А на их фоне яркими оранжевыми пятнами дежурят «фотографы» -добровольцы. Бдят. Поход в такой магазин – ещё не преступление, не повод для фотоснимка. Но ведь туда ходят потенциально опасные для нового общества «элементы». И не приведи Господь кому-нибудь из них выплюнуть на землю жвачку, закурить на видном месте или прилюдно выругаться! Бедняга тут же будет зафиксирован лазерным фотоаппаратом, который сканирует лицо и зачисляет очередной «штрафной» балл на его индивидуальный счёт в закрытой полицейской сети. Полицейские, у которых в новом мире работы значительно поубавилось, теперь занимаются тем, что считают эти «звёздочки», хватают того, кто набирает двадцать баллов – и запирают на год в «исправительных капсулах».

Признаться, я частенько задумываюсь: а может быть, там не так уж и плохо? О, новые гуманные тюрьмы золотой эпохи, похожие на номера пятизвёздочных отелей в миниатюре – разве что без шампанского! Судя по фотографиям и отзывам в интернете, там весьма уютно, хотя и очень тесно. Они сделаны в виде небольших круглых капсул, внутри которых размещается кровать, душ и откидной столик. А что ещё надо? Да и кормят там очень даже хорошо – блюдами высокой вегетарианской кухни. Стейки из чечевицы, тар-тар из грибов, фуа-гра из свеклы ну и всякое такое. Вот только сигарет не допросишься. И каждый день всех в добровольно-принудительном порядке на несколько часов выводят на общий двор – дружно заниматься спортом. А кроме этого делать там абсолютно нечего, разве что вести «душеспасительные» беседы с психотерапевтами, проходить очередные «развивающие» онлайн-курсы или же читать «умные» книги, которыми буквально заваливают «неблагонадёжных элементов». Должно быть, скука невероятная. Нет, уж лучше я буду сидеть дома – здесь меня, по крайней мере, никто не беспокоит.

В «полузапрещённом» магазине я закупился основательно. Сегодня на ужин я буду есть стейк и запивать его джином. Непростительная пагубная тяга к животной пище, которая «развращает наше сознание, затуманивает разум и блокирует творческую энергию, а кроме того, потакает преступной и аморальной животноводческой индустрии!» И, разумеется, немислимое пристрастие к крепким спиртным напиткам, о физиологическом и духовном вреде которых и говорить не стоит.

Сложив покупки в большой походный рюкзак объёмом семьдесят литров, я направился теперь в «официальный» супермаркет.

Да, похоже, это то самое здание – в который раз подумал я, обходя его по периметру. То самое здание, только отремонтированное, куда мы заезжали перед *тем* пикником. Набрали полную корзину вкусностей: булочки, сыр, ветчину, бананы, персики, виноград; отнесли всё это в машину. Забыли только солнцезащитный крем. Помню, как сбегал обратно, нашёл крем и купил заодно своим девочкам мороженое. Виолка так радовалась, уплетая шоколадное «эскимо», а жена смеялась и целовала меня в щёку ледяными от пломбира губами... Могли ли

мы тогда знать, что через какой-то час её губы станут ещё более ледяными, но уже не от мороженого? Мне остаётся только надеяться, что она умерла сразу, в ту же секунду, не успев увидеть страшное покорёженное железо, залитое нашей кровью. Что она не звала меня на помощь, не пыталась привести в сознание, не делала свой последний вдох в одиночестве. Не слышала криков дочери. О том, как умирала моя дочь, я не мог даже думать.

– Извините пожалуйста, позвольте мне пройти! Мужчина, знаете, а у вас такое задумчивое, серьёзное лицо и умные глаза – вы, наверное, философ или писатель! – какая-то женщина вежливо мне улыбнулась и пошла дальше по своим делам.

О, как же я ненавижу эту приторную вежливость, эти слащавые, неуместные комплименты от каждого каждому, эту вашу идеальную, безупречную, светлую, чёрт бы её побрал, эпоху!!!

Продолжительность Сатья-юги составляет 1 миллион 728 тысяч земных лет. Это «золотой век», «век просвещения», за которым следует Трета-юга – «серебряный век», затем Двапара-юга – «медный век» и Кали-юга, «железный век», «тёмный век», проклятое время для всей земной цивилизации. С каждой сменой эпох человечество деградирует духовно и интеллектуально в 10 раз, и к моменту прихода Кали-юги всю планету накрывает волна хаоса, войн, лжеучений, жестокости и лицемерия. Но вновь проходит 2 миллиона 592 тысяч лет, и круг замыкается, и наступает Сатья-юга – «век правды», «эпоха процветания»!

Глава 3. Джа и апельсины

Длинные полки супермаркета чуть ли не ломятся от изобилия фруктов, овощей и зелени, разных там сельдереев и кинзы, брокколи и проростков пшеницы. Вот она, правильная, благо-родная, «живая» еда нового просветлённого общества! Гречка – только зелёная, рис – только чёрный, горох – только отборный, а макарон нет вовсе. Не говоря уже о мясе. Зато предостаточно фасоли, бобов, нута и круп из разных там полезных злаков. Соки – только прямого отжима, без сахара. Газировки нет – только чистая родниковая вода. Чай – только без кофеина, на основе травяных сборов. Пирожные и торты – только «сыроедческие», из перемолотых с мёдом орехов. Просто рай для любого диетолога, вегана, буддиста или рьяного приверженца здорового образа жизни нашей... моей... тихо ушедшей, пока я спал, эпохи.

– Герберт! Дядя Герберт! Это вы? Эге! Да это безвопросно вы! Ну ни... чего себе! Я узнал вас!

Какой-то длинный жилистый парень лет восемнадцати-двадцати с пирсингом в носу и дредами радостно хлопнул меня по плечу и сделал шаг назад, пригибая голову и с любопытством разглядывая меня с головы до ног, будто вымершего мамонта. Его движения были нервными и угловатыми, а взгляд – липким и пронзительным. Разноцветная толстовка, широкие штаны, сверкающие серёжки в ушах и яркие плетёные браслеты делали его похожим на попугая.

В ответ на моё недоумённое молчание он лишь ещё шире улыбнулся и продолжил свои эмоциональные излияния:

– Вы меня, конечно, не знаете! Но я-то распознал вас. Я видел вас на канале отца. Видео, где вы боксировали с его отцом. Вы потрясно нокаутировали правым боковым, мне запомнилось!

Наконец мне удалось вставить реплику в монолог юнца:

– Эй, парень, стоп, стоп. Давай подробнее. Ты кто такой?

– Эрнеста вы помните?

В моей порячком измученной за последние три месяца памяти всплыло широкое и добродушное лицо моего друга, армейского товарища Эрнеста. Он был мне как брат.

– Так ты его сын? – с надеждой спросил я – А где он сам?

– Не хочу вгонять вас в грусть, дядя Герберт, но он умер три года назад. А я не сын, я внучок его. Я знаю про вас. Вы проспали последние сорок лет. Каково это, а?

– Внук. Внук? Ах да, разумеется... Сорок лет. А тебе около двадцати. Ну что ж, рад был познакомиться! – я кивнул и развернулся, намереваясь уйти. Едва ли выйдет что-то путное из дружбы с внуком моего товарища.

– Подождите, Герберт! – юнец резво обогнул меня и преградил дорогу, хитро сощурился, ухмыльнулся и сунул в руку визитку, – Мне воображается, мы с вами отлично поладим! Я рад, что встретил вас. Может быть, завернёте как-нибудь в гости? Поболтаем, абсента выпьем, сигарами подымим – да-да, настоящими ох... – с ехидным смешком запнулся парень, – ... какими сигарами!

– Что ты сказал? – удивился я.

– Вы слышали, дядя Герберт! Приходите. Завтра вечером например. Только остерегайтесь – у моей хаты частенько дежурят «оранжевые». Ну, вы понимаете.

Было в нём что-то неприятное, скользкое, отталкивающее. Впрочем, я тоже, надо полагать, не слишком приятный и располагающий к себе тип, с моим-то теперешним выражением лица. А значит, у нас с ним есть нечто общее.

Парень запрыгнул на электросамокат, поднял вверх обе руки и покатился прочь мимо прилавков с капустой.

– Как тебя зовут-то? – проорал я ему вдогонку.

– Джеральд, но все привечают меня как Джа-а! – и исчез за поворотом.

В тумане беспорядочных мыслей я прихватил зачем-то килограмм апельсинов, побродил между рядами с зерновыми хлебцами, спокойно прошёл мимо касс самообслуживания и направился домой. Только завернув в свой двор я осознал, что не заплатил за апельсины.

Потрясающе. Теперь я преступник.

Правда, едва ли моё преступление кто-то заметил. Супермаркет respectable, кассами самообслуживания здесь честно пользуется каждый, кражи немыслимы. Всех оставшихся воров переловили и пересадили в «исправительные капсулы» ещё лет двадцать назад. Но вот я только что случайно украл апельсины. О да. Протест против системы, он такой. Пожалуй, надо будет...

– Герберт! – вдруг услышал я голос за спиной, назвавший меня по имени – второй, чёрт возьми, раз за последний час. Терпеть не могу сюрпризы и неожиданные встречи! Меня не слишком-то тянет к общению с тех пор, как я обнаружил себя в «золотой эпохе». И, кроме того, я ведь только что *украл* эти проклятые апельсины, будь они неладны.

Я обернулся и похолодел. Снова *она*. Девушка, которая гналась за мной утром и которую я наблюдал на трансляции. Неужели она видела..? О, если так, то одним годом в «капсуле» я теперь вряд ли отделаюсь!

– Герберт. Добрый день. Я ждала вас.

– Вы что, и правда следите за мной? – настороженно спросил я, инстинктивно пряча пакет с оранжевыми фруктами за спину.

– Я просто узнала, где вы живёте, и пришла навестить вас.

– Зачем?

– Утром я спешила, но сейчас у меня есть время, и я очень хочу поговорить с вами.

Кажется, пронесло. Она ничего не знает об апельсинах. Просто решила провести со мной «душеспасительную» беседу. Я расслабился и с удивлением заметил, что девушка успела переодеться из этого своего оранжевого комбинезона в нормальную одежду, кожаную куртку с пояском и обтягивающие брюки. А у неё ничего фигурка. И ножки стройные...

– Как вы узнали мой адрес и моё имя?

– У лучших дружинников с платиновым значком лотоса есть доступ к Городской Сети.

Ах да. Городская Сеть. Единый виртуальный портал с профайлами, именами, фотографиями, адресами и социальными сетями всех граждан нашего «светлого общества». Правда, я думал, доступ к нему есть только у полицейских. Выходит, «оранжевые» с платиновым значком приравниваются к «стражам порядка».

– Вы так рьяно носитесь со своим фотоаппаратом, что уже заслужили звание лучшего дружинника? Поздравляю, – я криво усмехнулся, продолжая бесцеремонно её разглядывать.

Стройные ножки и тонкая талия. Ей бы дома сидеть, в объятиях любимого мужчины. А не подкарауливать сомнительных незнакомцев и донимать их своим навязчивым вниманием.

– Вы сказали это неискренне, но всё равно благодарю. Кстати, утром мы не успели познакомиться, меня зовут Адель. Вы угостите меня чаем? – почти кокетливо улыбнулась она, стрельнув глазками.

– Нет, не угощу, Адель – выдохнул я, – Во-первых, у меня нет этого вашего травяного чая, только кофе. А во-вторых – с чего вы взяли, что я хочу с вами общаться?

Я почувствовал, как к горлу подкатывает ком раздражения. На секунду я ощутил жгучее желание пригласить-таки её к себе домой, запереть дверь и доказать, что Кали-юга никуда не делась, что пороки и преступления «тёмной эпохи» невозможно искоренить её нравучениями и фотографиями. И заодно проверить, меняет ли она хоть иногда это своё решительно-жизнерадостное выражение лица. Разумеется, я тут же отогнал эти мысли прочь и вытащил из кармана карточку-ключ, чтобы как можно скорее избавиться от её общества.

– Какой вы неприятный человек, Герберт. Но я же вижу, что это всё наносное. Вы на самом деле очень добрый и светлый внутри. И я хочу помочь вам раскрыться, – она решительно тряхнула распущенными волосами и снова мило мне улыбнулась.

– Да оставьте вы меня в покое! – почти закричал я, – Что вы вообще можете обо мне знать?! Почему вы решили, что имеете право учить меня жизни?

С удовлетворением отметив растерянность на её лице, я сделал несколько широких шагов к подъезду, взмахнул карточкой, рванул на себя входную дверь и с громким хлопком скрылся за ней.

Интересно всё-таки, как она меня нашла в Городской Сети, не зная ни моего имени, ни моего адреса. И «фотографии» моей у неё не было. Или она тайком просканировала моё лицо? Хорошо ещё, я успел удалить из социальных сетей всю информацию и упоминания о себе. Все снимки, сообщения, дату рождения... Особенно дату рождения. Всё, что хоть как-то относилось ко мне прежнему. Я так и знал, что в этом «светлом идеальном обществе» мы все под колпаком. За нами следят.

В «золотую эпоху» Сатья-юга истину проповедуют и пером, и речью, и в прессе, и с трибун. С каждым днём число наставников и проповедников значительно увеличивается. Добродетельных людей хвалят в открытую; тех, кто идёт на жертвы и самоотречение ради остальных, больше не называют глупцами. Уважают духовную литературу и стремление к познанию истины; лжецов и болтунов порицают. Правда и честность касается даже коммерческой деятельности, продавцы устанавливают на свои товары единую цену и не пытаются обманым путем увеличить свой капитал. Их основная цель – прежде всего служить обществу.

Глава 4. Адель

– На этот раз я не опоздаю! Я просто не могу опоздать! – платье мешает бежать. И почему я только не надела брюки? До школы ещё пять километров. До моего выступления – полчаса. Надо было сесть на трамвай! Едва я перепрыгнула очередную лужу, как услышала:

– Девушка, садитесь, давайте подвезу вас! – изумрудного цвета автомобиль остановился рядом со мной. Я улыбнулась водителю и быстро забралась на переднее сидение:

– Спасибо, это очень кстати!

– Куда вы так бежите? – улыбнулся он в ответ. Приятный мужчина лет сорока с тёплыми глазами.

– В школу у озёр, выступать с речью буду, – выдохнула я, скинула плащ и достала зеркальце. Надо срочно привести себя в порядок!

– Я, кажется, узнал вас. Вы недавно выступали на трансляции, да? Да, точно, это вы! Вы так радостно рассказываете, восторженно и искренне, как ребёнок.

– Ну вот... Мне все так говорят. Попробую добавить серьёзных ноток! – я сосредоточенно пыталась убрать непослушную прядь в хвост. Успеть бы ещё глаза поярче обвести, а то совсем бледные. А ещё не мешало бы припудрить щёки, чтобы никто не видел, как глупо я краснею. Мне нельзя сильно увлекаться и волноваться во время речи!

– Да бросьте, у вас всё прекрасно получается.

Вдох. Выдох. Вдох. А я всё равно ужасно волнуюсь! И зачем только я три месяца ходила на курсы ораторского искусства?! Я безнадёжна – так и не научилась нормально жестикулировать. Когда говорю, размахиваю руками, как на тренировке! Надо контролировать себя.

Я должна. Должна рассказать свою речь чётко и ярко, чтобы она откликнулась у каждого школьника в сердце! Иначе меня больше никогда не пригласят. А я же так давно мечтала об этом! Я так хочу поддерживать в людях этот огонь, эту радость... Особенно в подрастающем поколении. Они ведь не помнят «тёмную эпоху» и всё воспринимают как должное. Но нет, так нельзя. Мы не должны забывать! Каждый день надо ценить наше время и радоваться, что нам посчастливилось в нём жить!

Конечно, я уже два раза вполне удачно выступила в прямом эфире, на онлайн-трансляции перед всей страной. Но это другое дело. Тогда я стояла перед проектором и не волновалась. Сейчас же я буду смотреть на живых людей, прямо им в глаза!

– Благодарю вас, удачного вам дня! – этот милый водитель довёз меня прямо до школы и наотрез отказался брать деньги. Сколько же в нашем Городе хороших людей!

Теперь я успеваю. Можно замедлить шаг. Так, нужно вспомнить всё, чему нас учили на курсах. Я не должна всё время смотреть в одну точку – надо обводить глазами весь зал и улыбаться не в пустоту, а каждому из слушателей лично, по очереди. Руками надо двигать свободнее. От плеча, широкими жестами. Но не размахивать ими! Локти не прижимать к телу.

– Добрый день, я к пятиклассникам, на лекцию по социологии! Второй этаж? Благодарю!

Так, что ещё? А, точно: нужно стараться разнообразить тон голоса и темп речи – то ускорять его, то замедлять, то делать паузы. То повышать, то понижать. И менять эмоции. Фух, успела!

– Какое у вас красивое платье! Проходите, пожалуйста, сюда. Ребята уже собрались, ждут вас.

– Спасибо! Люблю чёрно-жёлтые цвета.

Цвета нашего будущего! Философы и политики прошлого называли его анархо-капитализмом, мы зовём просто великой Анархией. Во все времена анархия считалась утопией, и само это слово было синонимом хаоса. Теперь всё изменилось. Мы всё изменили. Сатъя-юга сделала возможным то, о чём раньше люди не могли даже мечтать.

Уверенно расправив плечи, я вошла в просторную аудиторию. И оказалась в центре огромного круга из белоснежных кресел, на которых сидели школьники. Я огляделась. Ни одного пустого места! Шесть, нет, семь рядов вокруг меня!

После традиционного приветствия я улыбнулась, выдохнула – и начала свою речь:

– Раньше мы жили совсем по-другому. Только представьте себе: женщины, возвращаясь домой поздно вечером, носили с собой газовые баллончики. В каждом магазине у входа стоял охранник, чтобы ловить воров...

– А зачем было воровать, если можно просто заплатить? – спросила девочка в первом ряду, поймав мой взгляд.

– Сейчас нам кажется это странным, согласна! Но в то время воровство было довольно распространённым явлением. Некоторые люди просто не хотели отдавать свои деньги. Хотели получать всё за чужой счёт. Потому что ленились работать и зарабатывать сами.

Я тряхнула волосами, убрала с лица непослушную прядь, повернулась к другой части аудитории. И продолжила, уже смелее скользя взглядом по этим открытым и заинтересованным детским лицам:

– Я успела застать конец Кали-юги. Я была тогда совсем ребёнком, гораздо младше вас. Но я помню, как радовались люди, когда был пойман последний преступник. Целые семьи выходили на улицы с цветами и разноцветными воздушными шарами, мы приветствовали друг друга и обнимались, и в тот же день по всей стране провозгласили начало новой эпохи – Сатья-юги! Все уголовные дела к тому моменту были закрыты, и новых преступлений не совершалось. Наше правительство разработало и внедрило уникальную систему психологического тестирования, которое исключало саму их вероятность. Вы и сами знаете, ведь вы проходили такое тестирование – в семь, в десять, в двенадцать и в четырнадцать лет. Те немногие из вас, кто по результатам тестов показал предрасположенность к обману и насилию, сейчас находятся в специализированных учебно-исправительных заведениях. Год работы с психологами, гештальт-терапевтами и НЛП-специалистами – и они вернуться к нам здоровыми, достойными членами нашего очищенного от всех пороков общества!

– Моего брата отправили в исправительный спортивный лагерь, – несмело подал голос мальчик, сидящий в дальних рядах, – Ему там нравится, даже больше, чем дома! Но меня теперь дразнят, что мой брат – преступник!

– Кто тебя дразнит? – нахмурилась я. Мальчик молчал, склонив голову. – Какие глупости! Твой брат молодец, спортсменом вырастет! Лучшие спортсмены получают как раз из тех, у кого уровень гена агрессии немного превышает норму. Ладно, обсудим это после, хорошо?

Надо будет поговорить с его учительницей. И выяснить, кто болтает такие вещи. И провести с этими ребятами несколько разъяснительных бесед.

– Совсем скоро мы в нашей стране – впервые в мировой истории – установим великую Анархию! По-настоящему развитому обществу с нулевым уровнем преступности больше не нужны законы. Само понятие государства практически полностью исчезнет. В данный момент наше Правительство заканчивает разработку манифеста правовых норм, которые будут регулировать отношения между субъектами рынка и отдельными индивидами. Эти нормы по сути заменят нам строгие законы и будут иметь рекомендательный характер. Но мы, участники добровольных городских дружин, будем продолжать следить, чтобы данным рекомендациям следовал каждый, кто желает оставаться полноценным членом нашего общества. Функции государства будут выполнять частные охранные агентства, частные народные суды и частная контрактная армия для защиты наших границ. Впрочем, политика невмешательства в международные дела на протяжении последних сорока лет принесла свои плоды – нам никто не угрожает, все контакты с иностранными государствами сведены исключительно к торговым взаимовыгодным отношениям.

– Когда же это случится? Когда наступит Анархия? – воскликнула девочка за моей спиной. Я обернулась и улыбнулась ей:

– Уверена, уже скоро. Всё в наших с вами руках!

Поднялся шум. Дети начали увлечённо спорить, когда именно это произойдёт. Я ждала, с улыбкой наблюдая за ними. Через несколько минут все затихли. Я как раз успела их пересчитать. Больше семи десятков!

– Мы будем следить, чтобы на свободном рынке не появлялось абсолютных монополистов, чтобы у каждого предпринимателя и малого бизнеса имелись все возможности для развития и роста. Каждому – по способностям, и каждый получает то, чего заслуживает. Любой может стать высококлассным специалистом в своём деле и основать свою собственную компанию, предоставив другим людям рабочие места и возможность развиваться. Любой может создать полезный товар или услугу и беспрепятственно предлагать её потребителям, получая взамен достойную прибыль. Ну а кто не хочет управлять компанией или становиться свободным частным специалистом, сможет просто найти для себя комфортное место за достойную фиксированную зарплату или использовать пассивные источники дохода, например, недвижимость или банковские вклады. Каждый волен выбирать сам! Мы создадим такие условия, в которых любой индивид сможет развиваться в том направлении, в котором только пожелает. Вы уже и сейчас видите, как это происходит на практике. В нашем обществе работают только влюблённые в своё дело люди: только талантливые преподаватели, только честные торговцы, только добросовестные строители и увлечённые повара. И перед каждым открыты все двери и возможности к увеличению своего дохода. Развивайся в своем деле – создавай ценность – и свободно предлагай её рынку, без давления со стороны государства и крупных монополистов, без налогов и без посредников! Что касается гигантов рынка, они отныне вместо того, чтобы поглощать малый и средний бизнес, будут заниматься делами на благо общества: ремонтом дорог, озеленением парков, благотворительностью для бедных – и, таким образом, повышать лояльность реальных и потенциальных клиентов и привлекать к себе всё новых приверженцев. Мы сделаем конкуренцию здоровой и выгодной для всех. Вместо демпинга, обмана и финансовых махинаций предприниматели будут вынуждены постоянно улучшать свой продукт, а также помогать обществу. Такая борьба за клиентов принесёт блага всем: прибыль собственникам бизнеса, высокие зарплаты наёмным работникам, качественные товары и услуги потребителям, в том числе в других странах. Анархия свободного рынка – это неограниченные возможности для каждого из нас! И я призываю вас уже сейчас задуматься, в какой сфере вы хотите развиваться, чтобы выбрать интересное именно вам образовательное учреждение и раскрыть ваш потенциал и все дремлющие внутри вас таланты!

Я выдохнула. Кажется, более-менее складно получилось. Как только я перестаю усиленно вспоминать, что же там написано в моей речи, и начинаю импровизировать – всё получается, нужные слова приходят сами! Конечно, ты должен сам всем сердцем верить в то, о чём говоришь – и тогда это будет звучать убедительно. А как же иначе?

Ребята меня слушают, затаив дыхание.

– Всё в новом обществе будет основано на рациональности, эмпатии, необходимости, понимании, взаимной поддержке и увлечённости людей своим делом. Мы идём к этому, и мы почти этого достигли. Ваше поколение завершит начатое нашими отцами. Личная и экономическая деятельность будут регулироваться естественными законами, манифестом правовых норм, рынком и с помощью частного права, а не через политику и централизованную власть. Мы перестанем финансировать государство налогами и сборами, как единого монополиста, наделённого абсолютными полномочиями – и очень скоро просто откажемся от него, взяв на себя все необходимые его функции. Наш уровень осознанности и Сатъя-юга сделают возможным и вполне реальным то, что ещё каких-то тридцать-сорок лет назад казалось утопией!

Как бурный водопад, на меня обрушился шум аплодисментов. Я вся вспыхнула. Сердце стучало как бешеное, когда я смотрела на эти светлые лица, которые с воодушевлением мне улыбались. Наше будущее. Они сделают наш мир ещё лучше и красочнее!

Как в тумане я выслушала благодарности учителей, попросилась с ребятами и вышла из школы. Говорят, ещё пару десятков лет назад школы выглядели совсем по-другому. Даже не верится, что всё так быстро изменилось. Ребята сидели не в креслах, а на жёстких стульях за партами. И постоянно что-то писали, писали, писали... Заучивали правила, формулы, даты, термины! Зачем? Сейчас это уж точно ни к чему. Любую информацию и так можно найти за пять секунд в Сети. Всё, что нам нужно – это уметь грамотно писать, красиво говорить и свободно мыслить. И именно этому должна учить школа.

На уроках больше не нужно ничего записывать и заучивать. У всех в руках развёрнутые телефоны с гибкими экранами. Учитель выходит в центр круга и рассказывает о чём-то – а после ребята просто обсуждают эту тему и свободно высказывают своё мнение. Ну а если нужно узнать подробности – интернет всегда под рукой.

Большую часть уроков ученик выбирает для себя сам. Зачем принуждать ребенка к точным наукам, если он мечтает заниматься искусством? И, напротив, чего ради учить поэзии и живописи того, кто предрасположен к науке? Теперь каждый сам волен решать, чему хочет учиться, и для каждого составляется индивидуальная школьная программа. Гуманитарии, творческие натуры, будущие учёные, исследователи, инженеры, спортсмены, врачи... По достижении десяти лет дети либо сами, либо с помощью тестирования определяют свою будущую стезю – в соответствии со складом характера и ума, душевными склонностями, способностями и талантами!

Конечно, остались обязательные для всех предметы: «Тренировка памяти», «Развитие логики», «Основы здорового образа жизни», «Творчество и креативность», «Базовый спорт», «Финансовая грамотность», «Язык, письмо и речь», «История и общество». Но они занимают не более половины школьного времени и разработаны таким образом, чтобы каждый чувствовал себя комфортно вне зависимости от своих склонностей.

Ура! Я добралась до дома. Теперь можно заняться делами. Только я заварила чай и уселась перед своей картиной, как радостная мелодия видеозвонка нарушила расслабляющую тишину комнаты. «Ответить» – сказала я и попыталась быстро поправить причёску, придав волосам объёма. Проектор моргнул, и в комнату с улыбкой шагнул мой товарищ из городской дружины. В смысле его проекция.

– Хорошего дня, Адель! Как ты? Как прошло выступление?

– Привет, Гай! Рада тебя видеть. Всё чудесно, дети так заинтересованно меня слушали!

– Ещё бы! Ты умница. Кстати, хотел пригласить тебя в подводное кино в океанариуме.

Оно уже неделю как открылось.

– А, это там, где нужно погружаться с аквалангом и смотреть под водой фильмы об океанах, и там ещё 9D-рыбки плавают рядом с настоящими?

– Да. И большие акулы. Это должно быть очень любопытно и познавательно. Согласна? Идём!

– Эмм... Прости, Гай, но я не могу. Мне не до развлечений сейчас. Много заказов. Я хотела закончить картину. Извини. Может, на следующей неделе...

– Почему-то я не удивлён! Всё как обычно. Одно только интересно – у тебя действительно нет времени на личную жизнь? Или это распространяется только на меня?

Отключился. И моментально исчез, растаял в воздухе, будто его и не было. Господи, какой же он обидчивый! Да, Гай искренне считает, что раз он получил отличительный знак нашей дружины за рекордное количество фотографий – то любая девушка должна быть просто

счастлива пойти с ним на свидание! Но, между прочим, у меня тоже есть платиновый лотос. И у меня действительно много дел! Я бы с радостью посмотрела подводное кино, но сегодня мне куда важнее закончить, наконец, мою картину. Мой взгляд с грустью скользнул по холсту, нижняя часть которого пестрела ярко-красными маками, а верхняя до сих пор оставалась белоснежной.

Но почему-то работа не шла. Я всё ещё слишком взволнована после выступления. Надо успокоиться и расслабиться. Я устроилась поудобнее в своём любимом подвесном кресле, оттолкнулась ногой от стены и откинулась назад, раскачиваясь всё быстрее. Да нет, дело не в выступлении. Тут что-то другое. Снова оно, это странное гнетущее ощущение! Сегодня с самого утра меня что-то тревожит. Какое-то нехорошее предчувствие. Я закрыла глаза и погрузилась в себя. Несколько минут я старалась привести мысли в порядок и остановить внутренний диалог. Довольно скоро мне удалось отрешиться от всего, что меня окружало, но волнение не проходило. Откуда оно вообще взялось?

Ответ пришёл внезапно. Перед моим мысленным взором всплыло лицо мужчины средних лет с тёмными глазами, прямым носом, выразительными скулами, решительным подбородком, недельной щетиной и надменной усмешкой. Что?! Почему я всё ещё о нём думаю? Надо было всё-таки сфотографировать его – и дело с концом!

Глава 5. Прошлое и будущее

Когда я вернулся из госпиталя в свою пустую, прождавшую меня сорок лет квартиру, меня охватило отчаяние и мучительное ощущение безысходности. Первое, что я увидел, распахнув дверь – длинный джинсовый плащик жены. Он элегантно висел на крючке вместе с нежным шёлковым шарфом розового цвета. Я прижался к прохладной джинсе лбом, жадно втягивая носом воздух в попытках уловить хотя бы отголосок такого родного аромата духов. Ничего. В прихожей пахло затхлостью и сыростью. Я простоял так долго. Для меня больше не существовало времени. Мои часы встали сорок лет назад, и сейчас всё, что от меня осталось – это лишь тень, пусть из плоти и крови, но уже без мыслей и без чувств. Я ни о чём не думал, не вспоминал, не тосковал – ничего, внутри не было ничего кроме абсолютной, чернеющей пустоты. Повинуясь какому-то подсознательному инстинкту, я схватил этот плащ, судорожно сжал его в объятиях и медленно опустился на пол. Я просидел, наверное, больше часа, положив голову на колени, но не закрывая глаз. Я не хотел идти дальше. Я знал, что меня ждёт. Все эти равнодушные вещи, не покидавшие своих мест с того солнечного летнего утра. Наши чашки, из которых мы пили кофе, весело болтая; крошки, оставшиеся на столе от тостов... я вдруг отчётливо вспомнил, что несмотря на просьбу жены так и не вытер стол тем утром – хорошо ещё, что Марта не заметила – было бы обидно поссориться за несколько часов до... а она всегда так злилась, когда я оставлял эти чёртовы крошки... Впрочем, в остальном в нашей семье царил идиллия... Наша незаправленная постель – собирались мы в спешке, нам не терпелось поскорее выбраться на природу... Разбросанные игрушки... их я боялся увидеть больше всего. В комнату Виолы я так ни разу и не зашёл, а как-то вечером, напившись абсента до зелёных звёзд перед глазами, вытащил из кладовки несколько досок с гвоздями и, широко размахивая молотком из стороны в сторону и пошатываясь, намертво заколотил дверь в детскую.

А тогда, в день моего возвращения... Всё было как в тумане. Я схватил огромный мешок для мусора и принялся сбрасывать туда всё, что попадалось мне под руку: плюшевого мишку, сидящего за обеденным столом, любимую чашку жены с пингвинами, её одежду, сгнившие и засохшие фрукты, превратившиеся в окаменелости доисторических времен булочки, два билета в театр – мы опоздали на спектакль на сорок лет, два месяца и пять дней, и даже подушку, на которой я обнаружил несколько длинных рыжих волос Марты... Мои глаза и голова горели, но слёз не было, а боль, должно быть, свербела изнутри настолько сильно, что я её просто не замечал и не чувствовал, и даже улыбался какой-то полусумасшедшей улыбкой, как во время болевого шока. Или, может статься, моё тело пробудилось от мёртвого сна и начало двигаться, а сердце всё ещё находилось в коме. Заплакать я так и не смог – ни тогда, ни потом. Но я физически не мог видеть все эти вещи. Я вытащил несколько огромных мешков на помойку, не заметив даже, что помойки больше нет. Я просто швырял их на то место, где раньше стоял мусорный бак, за что и был сфотографирован проходящим мимо парнем в оранжевом комбинезоне, однако не придал этому никакого значения. Это стало моим первым «преступлением против эпохи».

Тогда я ещё ничего об этих фотографиях не знал. Да, мне пытались рассказать что-то о «новом веке» в клинике, но я слышал лишь бессвязные слова, не вдумываясь в их значение, и смотрел на врачей и психологов с тупым безразличием, как конь, который сломал ногу посреди поля и которому уже всё равно, ведь он смотрит в дуло пистолета, и судьба его решена. Я почти ничего не знал тогда про Сатъя-югу. Я знал одно: дома меня ждёт бутылка вина – мы собирались после пикника отвезти дочку к бабушке и устроить романтический ужин. Бутылка рома – я купил её товарищу на день рождения, но подарить не успел. И бутылка хорошего виски, которую я припас для особого случая. Что ж, особый случай настал.

Удивительно, но я даже не постарел. Я внимательно рассматривал своё бледное лицо перед зеркалом и не находил никаких изменений. Разве что складки на лбу и морщинки в уголках глаз стали более заметными. Моё тело тоже было в норме. Ни чрезмерной худобы, ни лишнего веса я не обнаружил. Сбалансированное питание через капельницу в течение сорока лет? Невероятно. Пролежав без движения почти полвека, я должен был бы чувствовать себя живым трупом. Но нет. Хотя, разумеется, никакой бодрости и энергичности я и близко не испытываю, всё же моё самочувствие весьма сносное. Раздражает только физическая слабость и постоянное ощущение, будто я не выспался. Будто много выпил накануне, и всю ночь ворочался с боку на бок, обливаясь горячим потом и мучаясь от сухости в горле. Вот и всё.

Как они это сделали? В какой момент им удалось изобрести лекарство, которое не просто остановило ход времени, а полностью выключило его для меня? Всё, что я запомнил из множества слов, произнесённых врачом – это электрические импульсы, которыми они регулярно воздействовали на мои мышцы, чтобы поддерживать их жизнеспособность и не давать им атрофироваться. Также он говорил про какие-то вакцины, переливание крови и обновление лимфы, крио-процедуры для кожи и революционные достижения медицины... Впрочем, для меня это уже не имеет значения. Я вполне здоров – и ладно. Всё-таки я в будущем. А в будущем вообще уже должны всюю делать пересадку сердца и выращивать искусственные внутренние органы. Правда, «уснул» -то я прошлым. Видимо, я стал одним из первых «счастливчиков», на ком протестировали все «чудеса» медицины вместе взятые.

Придя к такому выводу, я ни о чём больше не думал и ничем не интересовался – а просто вливал в себя литры алкоголя. Что ещё мне оставалось делать? Уж не на танцы ли пойти или духовным развитием заняться? Я думал было взяться за написание книги, чтобы таким образом «перекинуть мостик» между прошлым временем и нынешней абсурдной «эпохой»... Чтобы привести прежде всего свои мысли в порядок и как-то логически обосновать всё происходящее... Но, написав пару абзацев, тут же со злостью стирал все буквы до единой и отодвигал компьютер в сторону.

Порой на меня находило какое-то озарение, и я всерьёз намеревался заняться собой. Выбравшись из алкогольного и похмельного тумана, я обещал себе больше не пить, шёл в магазин, скупал все цитрусы, которые попадались мне под руку, делал свежевыжатые соки и даже пытался заниматься спортом. Ну как спортом? Просто падал на пол и отжимался. Собственная слабость бесила меня. Если раньше я играючи делал сотню отжиманий за три подхода, то теперь не мог разогнуть свои руки и десяток раз. Я не оставлял своих жалких попыток, и спустя полтора месяца сумел-таки отжаться пятьдесят раз. И отметил это дело бутылкой рома.

Кроме отжиманий я развлекал себя тем, что метал ножи. Вытащил из кладовки свою старую мишень и набор метательных ножей, повесил её на дверь, улёгся на диван и меланхолично выбрасывал руку вперёд, со спокойным удовлетворением наблюдая, как острые лезвия вонзаются в деревянный щит. Особенно я любил это делать во время трансляций.

Да, допустим, я могу стать «нормальным» человеком и пойти на работу. Если мои навыки авиационного инженера ещё кому-то интересны. Что очень маловероятно. Скорее всего, технологии в проектировании и конструировании авиатехники тоже шагнули вперед, изменилось оборудование, десятикратно обновились все радиоэлектронные приборы... Идти на обучающие курсы? А ради чего? Денег на жизнь мне и так хватает. Может быть, найти женщину? Забыть Маргу и попробовать начать вторую жизнь? Но тогда мне придётся, как минимум, ежедневно бриться и улыбаться, а этого я не вынесу. Кроме того – таскаться с ней по современным выставкам, развивающим центрам, мастер-классам и концертам, изображая бурный энтузиазм и радость. И всё это только для того, чтобы она в конце концов поселилась у меня дома. Само собой, она мне будет запрещать курить и пить. Она постоянно будет спрашивать, счастлив ли

я с ней. А мне придётся лгать ей, что да... Ну уж нет. Уж лучше я буду тихо сидеть здесь один, чем портить жизнь и себе, и ей, кем бы она ни была.

Помню, как я был шокирован в первые недели после моего внезапного пробуждения. Как ходил по улицам и не верил своим глазам. Каких-то сорок лет прошло, а всё вокруг изменилось до неузнаваемости. Причём совсем не так, как рисовали нам писатели-фантасты и режиссёры фильмов о будущем. Не было никаких летающих автомобилей, тысяча-этажных зданий и экскурсий на Марс. Появились лишь новые компьютеры с гибким экраном и телефоны очередной «ультрасовременной» модели, тоже гибкие, которые можно было сложить в четыре раза, а потом развернуть; удобные беспроводные наушники для телефона со встроенным микрофоном, а также телепроекторы для видеозвонков и очки виртуальной реальности вместо привычных телевизоров. Впрочем, это не было для меня чем-то запредельным – в моё время всё это уже появлялось. Как скучно. Пожалуй, стоило провалиться в коме подольше, по меньшей мере ещё лет сто... Итак, на первый взгляд всё осталось прежним. Однако если всмотреться в детали, навести на этот мир увеличительное стекло, можно найти десятки отличий, поразительных, неправдоподобных, пугающих своей нереальностью!

На оживлённом перекрёстке вдруг сломался светофор – и встали все до единой машины. В чём дело? Я наблюдал за ними и не мог понять. Как выяснялось, водители просто пропускали друг друга! Они хотели быть вежливыми, невзирая на правила приоритета. Никто не желал показаться слишком грубым, бесцеремонно двигаясь вперёд. Помню, как они несколько минут кричали друг другу из приоткрытых окон: «Доброго вам дня, проезжайте пожалуйста!». А я стоял, лицезрел эту картину, нервно курил и думал: «Всё это бред, абсурд, утопия! И, вроде бы, всё хорошо – разве не мечтали мы в своё время о вежливых водителях? – но как же невыносимо тошно на это смотреть!». В тот момент я получил свой второй снимок за курение в общественном месте, и начал понемногу задумываться о последствиях – мне совсем не хотелось провести целый год взаперти, в тесной «капсуле», где специально обученные люди активно займутся «промывкой» моих мозгов.

Со временем я узнал, что каждая новая машина сейчас имеет режимы полного и частичного автопилота. Находясь на дороге, беспилотники постоянно сверяют параметры своего движения с соседними автомобилями, заранее снижают скорость и аккуратно входят в повороты. Маршруты выбирают тоже сами, в зависимости от количества машин на дорогах. В режиме частичного автопилота человек ещё управляет автомобилем сам, однако в любой потенциально опасной аварийной ситуации, при резком сближении с препятствиями: стенами, пешеходами, шлагбаумами, другими машинами – автомобиль моментально останавливается автоматически.

Полный автопилот не в моде – водители предпочитают «по старинке» управлять автомобилем сами. Во-первых, автопилот – это невежливо. Действительно. Едва ли он уступит дорогу другой машине, если сам находится на «главной». Поэтому время от времени его просто отключают. Во-вторых, ездить за рулём самостоятельно считается модным и полезным. Ну как же, саморазвитие, все дела. Ты выдержку тренируешь, внимательность, скорость реакции и всякое такое. Просто не всем же везёт. Я, например, этот экзамен не прошёл. Видимо, плохо натренировал скорость реакции, раз не успел ничего сделать, заметив микроавтобус, несущийся мне навстречу на бешеной скорости.

Его не было на дороге. Его чёрт возьми не было. Я могу поклясться чем угодно. Шоссе было абсолютно пустым. Иначе я никогда бы не разогнался до такой скорости. Я всегда ездил очень аккуратно, если со мной была дочь. Я никогда не позволял себе рисковать. Я не видел микроавтобус потому, что его не было. За какую-то секунду он выскочил с прилегающей дороги. И помчался по моей полосе. Что случилось? Водитель потерял управление? Или за рулём был какой-то сумасшедший?

Я много раз думал – а что с ним стало? Погиб на месте или выжил? Остался цел или сел в инвалидную коляску? Если выжил – то жив ли он ещё? Ему, должно быть, сейчас за шестьдесят, семьдесят или ещё больше лет. Признаться, я даже пытался его найти. Ну как пытался. Вернулся в госпиталь, где я лежал, и принялся расспрашивать врачей и секретарей. Но никто ничего не знал. Или просто не захотел мне отвечать. А я всего лишь хотел узнать, почему. Почему так произошло. Почему микроавтобус вылетел на «встречку». Почему мои жена и дочь погибли. И кого в этом винить: себя, того водителя, технику – или Господа Бога?

Однажды днём, устав бродить по городу, я зашёл в кафе и обомлел. Официантов нет, витрин с едой нет. В каждом столике – встроенный сенсорный экран для выбора, заказа и оплаты блюд. И под каждым блюдом – подробное объяснение, для чего именно и насколько оно полезно. «Суп-пюре из помидоров с сырными шариками и базиликом – богат витамином В6, стимулирует выработку энергии в виде гликогена в мышцах!». Прекрасно. «Печёная тыква с яблоками – зарядитесь витаминами В1, В2, С, Е, РР, калием, кальцием, магнием...», – дальше читать не стал. Всё понятно. Обойдусь как-нибудь без тыквы.

Я пролистал фотографии, ничего мясного так и не нашёл и выбрал грибные котлеты с пюре из шпината, а также бокал пива. Разумеется, пиво было только безалкогольное. Оплатил всё по карте и приготовился к новым сюрпризам. Еду мне принёс уже через десять минут сам повар, разулыбался, радостно пожелал приятного аппетита и заговорщическим шёпотом сообщил, что решил сегодня немного поэкспериментировать и добавил в котлеты розмарина. Но, если мне вдруг это не понравится, я могу позвать его, и он тут же приготовит мне ещё одни котлеты – по старому рецепту. На секунду я даже позавидовал его восторженному энтузиазму. Розмарин он добавил. Молодец.

Вкуса еды я не почувствовал, пиво тоже оказалось пресным. Я сидел за белоснежным изогнутым столом в мягком круглом кресле и с вялым интересом прислушивался к разговорам окружающих. До меня долетали обрывки фраз: «Такая любопытная инсталляция космоса! Обязательно сходите», «На воскресенье нет планов, выйду пожалуй на работу, чего дома сидеть», «Вы такой молодец! Я тоже записалась к ним волонтером!», «Благодарю вас, такой вкусный и изысканный салат, вы замечательный повар!». Не знаю, что меня поражало больше – содержание этих разговоров или форма. Почти все обращаются друг к другу на «вы», даже люди явно одного возраста и статуса, все постоянно сыплют благодарностями и комплиментами, все выражают одобрение и радость. И их речь такая ровная, вежливая, даже литературная, как, пожалуй, в позапрошлом столетии. Точно! Я словно попал в светский салон девятнадцатого века, сплошь начинённый аристократами и интеллигентами. Вот уж не думал...

Я купил современный телефон с гибким экраном, который легко помещался в кармане и в любой момент разворачивался до размеров большого журнала, обнаружил функцию дополненной реальности и развлекался, наводя встроенный сканер на всё, что попадалось мне под руку. Наводишь на автобус – он показывает его маршрут следования, наводишь на торговый центр – и видишь на экране всё, что есть внутри, наводишь на ресторан – и читаешь его меню. К этому телефону прилагались очки для полного погружения. Они позволяют видеть всю информацию не на экране, а прямо перед собой. Но я забросил их куда подальше, проносив всего один день. Я чувствовал, что схожу с ума, наблюдая, как повсюду мельтешат надписи, кружатся виртуальные рекламные объявления, высказывают рейтинги и отзывы. К этому надо привыкать постепенно.

Гуляя по Городу, я удивлялся, сколько кругом появилось зданий из разноцветного стекла. Стоит признать, выглядели они весьма стильно и необычно. Не то, чтобы небоскрёбы, так, этажей в тридцать-сорок, но обязательно необычных геометрических форм, с изгибами или

башенками, с террасами или подвесными стеклянными коридорами, с подсветкой и смотровыми площадками. Сохранились и старые кирпичные дома, как, например, в моем районе.

Одиноким магазинов и ларьков почти совсем не осталось – только крупные торговые центры с супермаркетами, ресторанами и развивающими клубами. Оживлённые улицы и широкие проспекты стали двухуровневыми – по подземным тоннелям бесшумно гоняли автобусы и автомобили, а над ними по городу проносились современные трамваи, нечто длинное и обтекаемое, напоминающее скоростной поезд. И всё бы ничего, да только каждый из них... играл музыку! Да. Музыкальные трамваи «светлой эпохи». Один трамвай заполнял улицы величественными сонатами Бетховена, другой радостно звенел симфониями Брамса, третий двигался в ореоле виртуозных скрипок Вивальди, а четвёртый оставлял после себя воздушный и мелодичный след опер Моцарта.

Что ещё изменилось? Светофоры, слава Богу, остались прежними, а вот над фонарями кто-то вдоволь поиздевался. Вместо привычных жёлтых или белых лампочек в них вдруг вставили... синие, зелёные, фиолетовые, красные, малиновые и оранжевые! Сумасшествие. И теперь улицы города напоминают новогоднюю елочную гирлянду, нелепую, яркую и пёструю, которая мозолит глаза и быстро надоедает. Увы, эту гирлянду нельзя сорвать после праздников и убрать в ящик до следующей зимы!

Помню, как подошёл к кинотеатру. Взглянул на афиши. «Путешествия в космосе. Документальный фильм с эффектом полного погружения», «Влюблённые в танго», «Невероятная история любви учёного и оперной певицы». Одни комедии, приключения, мультфильмы и мелодрамы! Позднее, листая в Сети «Законы нового общества Сатъя-юги» я узнал, что фильмы ужасов, фильмы-катастрофы, триллеры и боевики запрещены вот уже двадцать лет. Под запрет также попадают все фильмы о войнах и любые кинокартины, где проливается хоть капля крови. Молодое поколение ничего не должно знать о жестокости – пусть все преступления остаются в далёком прошлом – даже экранные! «Что же, возможно, это не так плохо, – уговаривал себя я в жалких попытках примириться с современными реалиями, – Ведь я бы не хотел, чтобы мои дети знали о насилии и жестокости... Но у меня больше нет детей. А значит – есть ли мне до этого дело?».

Если говорить о детях... У меня сложилось впечатление, что каждый ребенок в так называемом новом обществе – как минимум очень самостоятельный, как максимум – вундеркинд. На третий день моего знакомства с Сатъя-югой я вышел из дома в поисках магазина и вдруг увидел мальчика, совсем ещё малыша, лет четырёх-пяти, не старше моей Виолки... С важным видом он шёл по улице совсем один... «Мальчик, ты чего, потерялся? Где твои родители», – остановил его я. – «Добрый день, дядя! Я иду в музыкальную школу». – «Один?», – оторопел я. – «Конечно! Я же уже большой, мне скоро будет пять!», – гордо ответил паренёк и деловито направился дальше.

«И не боятся родители отпускать его одного...», – подумал я и запнулся. Ну разумеется, не боятся. Это ведь идеальное общество. Это Сатъя-юга. Преступников не осталось. Сама вероятность преступлений исключена. Ничего плохого просто не может случиться! Они в это верят. И это, похоже, правда. Придётся признать. Сбывшаяся мечта идеалистов? Но почему же тогда меня трясёт от ненависти? Почему всё вокруг кажется таким нереальным, иррациональным, эфемерным? «Ты просто завидуешь. Ты завидуешь. Что светлое будущее наступило. Но не для тебя. Не для твоей семьи. И всё, что остаётся тебе теперь – лишь молча и безропотно наблюдать за чужим счастьем...».

Я шёл по улице и никому не улыбался. Я задевал прохожих – и не извинялся. Я наткнулся на встречные улыбки – и отвечал на них взглядом, полным ненависти. Я смотрел в открытые радостные лица – и не мог простить их за то, что они способны радоваться. Я закуривал одну сигарету за другой – и был вновь и вновь зафиксирован бдительной камерой «оранжевых». Я оглядывался по сторонам – и видел лишь рекламу развивающих курсов, образовательных

учреждений, спортивных секций, школ танцев, центров искусства, кружков живописи, духовных отделений, бесплатных мастер-классов, просветляющих тренингов, познавательных сообществ, клубов по интересам... Я медленно сходил с ума, поливая свои оголённые нервы мутно-зелёным напитком из аниса. В нем было всё, в чём я нуждался: 70-градусная крепость, приторная сладость и невыносимая горечь. Сладость быстро таяла на кончике языка, а пронзительная горечь сковывала все вкусовые рецепторы и ещё надолго застревала в горле.

Во время Сатья-юги всё цивилизованное общество говорит на санскрите. И когда «золотой век» сменяет Кали-юга, наступает всеобщая деградация, в том числе деградация языка. Люди говорят на грубом, неочищенном языке чернорабочих и бродяг, который носит название «пракрита», поскольку их артикуляция изменяется, речевой аппарат перестаёт работать в полную силу. Люди больше не могут произнести вслух даже самых простых слов и имен, таких как «Шримад —Бхагаватам», «Бхакти Веданта», на это им не хватает артикуляции. Но Сатья-юга приходит вновь, и количество грубых и непристойных слов в речи снова сокращается и, наконец, полностью сходит на нет. Им на замену приходят вежливые и уважительные обороты. Так было, есть и будет, таков закон Вселенной – всё идёт по кругу, и чёрное всегда сменяется белым.

Почему именно Сатья-юга? Этим вопросом я задался примерно через месяц после моего так называемого возвращения. К тому времени я как раз справился с вещами первой необходимости: оплатил доступ к Сети, заказал с доставкой новый компьютер, нашёл агента, который взялся сдавать мою вторую квартиру, и отыскал все ближайшие к дому магазины, в которых продавался алкоголь и сигареты.

Найти необходимую информацию оказалось удивительно легко. Десятки сайтов и интернет-порталов были целиком и полностью посвящены Сатья-юге. Красивая сказочка с приветом от индуистов и буддистов. В переводе с санскрита означает «век чистоты», «золотой век», «праведный век». В древних сказаниях утверждалось, что продолжительность человеческой жизни в эту эпоху должна составлять никак не менее ста тысяч лет. Неужели же они ошибались! Хотя... ещё несколько таких «волшебных» вакцин вроде той, что вернула меня из мёртвого сна – и это действительно станет реальным. Люди смогут бесконечно переливать кровь, обновлять внутренние органы, замораживать кожу и жить, жить, жить. Господи, ну зачем же так долго? Остаётся надеяться, медицина подождёт ещё хотя бы несколько десятков лет, и я успею умереть своей смертью прежде, чем бессмертие перестанет быть чем-то фантастическим.

Что ещё? «В Сатью-югу человечество живёт счастливо». Хм, неудивительно. Будешь тут несчастлив, когда со всех сторон тебя призывают к обратному. «Общество абсолютно свободно, государственной власти нет». Ага! Вот почему *они* всё время твердят о своей анархии. «Люди богаты духовно, чисты и щедры, доброжелательны, правдивы и милосердны». Прекрасно. Воистину великая эпоха! Я пью, чтобы восславить её! Я торжественно поднял стакан, чокнулся с монитором и привычным движением опрокинул его в себя.

«Юга» – это значит эра. Всего их четыре. Прошлая эра, «век демона Кали», «век раздора», та самая, в которой я раньше жил, называется Кали-юга. Это «самое страшное время в космологии индуизма, которое длится 432 000 года и отличается ужасающим падением нравственности и всяческой морали. Количество добра в мире в эту эпоху уменьшается в целых четыре раза по сравнению с эталоном – Сатью-югой. Люди живут не более, чем сто лет. Они утрачивают все моральные ценности и выпускают наружу своих внутренних демонов, ими управляют зависть и злоба, они слабеют умом и силой, становятся жадными и трусливыми, способными на предательство и обман. Под влиянием своих пороков они стремятся лишь к власти

и накоплению материальных богатств, к животной страсти и чревоугодию». Кошмар. И как я жил в этом времени? И даже умудрялся думать, что я счастлив...

Интересно, а другие страны знают, что у нас наступила «золотая эпоха»? Или им забыли об этом сообщить? Или она наступает на планете выборочно, только в определённых широтах? Никакой информации об этом я не нашёл. Да, политическая карта мира несколько изменилась за минувшие сорок лет, но ничего принципиально нового я на ней не обнаружил. Никаких серьёзных, масштабных войн не велось. Глобальных техногенных катастроф не было. Конца света – тоже. И, кажется, за границей всё по-старому. Хотя... кто знает. Может быть, у них там тоже свои мифы и сказки на ночь, просто они не кричат о них на каждом углу. Новая эпоха, надо же. Бред, бред, бред!

Глава 6. Контранархисты

Густой дым повис в комнате, как длинный тюль от потолка до пола. Я едва различал лица Джа и его четверых друзей. Мы славно проводили время, раскуривая сигары из «прошлого мира». Моего мира. Я рассказывал им истории и байки о том времени, когда можно было не улыбаться. Вообще. Есть бургеры, курить в баре за стаканом пива и даже громко ругаться. Ходить по улицам с хмурым лицом. Проводить свободное время как тебе вздумается, а не занимаясь непременно чем-нибудь полезным и «развивающим». Не пытаться стать идеальным. Быть просто собой.

Я не сразу заметил, что мои слушатели увлечены не столько историями, сколько мною самим. Сквозь пелену тумана они внимательно изучали моё лицо, следили за выражением глаз и тоном голоса. Я, в свою очередь, наблюдал за ними. Трое молодых парней и двое мужчин, один моего возраста, другой старше. Довольно неулыбчивые. Я бы даже сказал – слишком неулыбчивые для нового времени. Разве что Джа постоянно растягивал губы в своей дерзкой, нахальной ухмылке. Пожалуй, с ними можно более-менее сносно общаться. На фоне «просветлённой» толпы они выглядят гораздо более адекватными.

Едва я докурил сигару, мои новые приятели разом переглянулись. Джа вопросительно кивнул в мою сторону, глядя на Экхарта, статного мужчину в деловом костюме с суровым, отталкивающим лицом, самого старшего и авторитетного в этой компании. На вид ему было лет пятьдесят пять, причём возраст выдавали лишь седые виски, складки на лбу и тёмные глаза, в глубине которых читалась целая жизнь. Он едва заметно кивнул в ответ Джа и повернулся ко мне.

– Герберт. Как я понял, вам не слишком импонирует наше современное общество?

– О да. Я был бы счастлив вернуться обратно в «тёмную эпоху».

– И вы не верите в идею «абсолютной и великой Анархии»?

– Я? В анархию? Ну разумеется, нет. Это утопия и полный бред.

– Значит, вы – один из нас.

– Один из вас?

– Джа, расскажи нашему новому другу.

Внук моего армейского товарища принялся со своим обычным пылом рассказывать мне об обществе контранархистов – противников современной системы, отрицающих ценности и духовные ориентиры нового общества, желающие жить по своим законам так, как им хочется, а не так, как считается правильным.

– И нас больше, гораздо больше, чем они подразумевают, улавливаешь, дядя Герберт? Это только на улице все вежливенько лебезят друг другу! На самом деле людей давно задолбала эта фальшивая радость!

– Ты хочешь сказать, есть ещё другие контранархисты кроме вас?

– Хочу ли я это сказать?! Конечно, хочу! Нас сотни, нет, нас – тысячи, – подскочил со своего места Джа и принялся расхаживать туда-сюда, потряхивая дредами.

Впервые за последние месяцы я улыбнулся. Я не один.

– И чем вы занимаетесь? – поинтересовался я.

– Пока ничем особенным. Только подготовкой. Но уже очень скоро власть в государстве перейдёт в наши руки, – тихо, но уверенно, так, будто всё уже ясно, констатировал сидящий рядом со мной бородатый мужчина и протянул мне ещё одну сигару.

– Даже так? – я был удивлён и заинтригован.

– Именно. А сейчас пришло время активных действий! – заорал вдруг парень с дредами и запрыгал по комнате. Похоже, он немного псих.

– Джа правильно говорит, Герберт, – снова включился в разговор Экхарт. – Настало время решительных действий. И это ваш шанс проявить себя, если вы настроены быть с нами.

– Что вы имеете в виду?

– Мы решили взять в плен кого-нибудь из «оранжевых». Лучше всего девушку, – сообщил молодой парень с мрачным лицом и длинными чёрными волосами, которого мне представили как Байрона.

– Девушку? И что дальше? Что вы будете с ней делать?

– Будем держать её у себя до выборов Правящей Партии. Есть у нас один прекрасный подвал, где её никто не найдёт – наша штаб-квартира. Нужно их поугубить. И открыть им глаза. Показать, что нет никакой «золотой эпохи без преступлений». Что всё это лишь миф! А мы – не послушные бараны, которым можно указывать, что хорошо, а что плохо, что можно делать, а что нельзя! – разгорячился юный «противник системы».

– А дальше-то что? Какой в этом прок? – никак не мог понять я.

– А дальше, Герберт, мы украдём ещё одну девушку. И ещё одну. Из числа самых преданных Сатъя-юге активисток, – продолжил мужчина с седыми висками, – Фотографии наших пленниц анонимно распространим по всей сети, их увидит вся страна. Увидит и ужаснётся – оказывается, общество далеко не так безупречно, как его рисует Правительство! И, разумеется, ещё не готово к анархии. Преступники никуда не делись. В «идеальном государстве» пропадают люди. Мы подорвём убеждения людей на корню, понимаете? Разрушим «золотую эпоху» изнутри. А на решающих выборах следующим летом выступим как самостоятельная партия со своей отдельной программой, и вместо анархии предложим строгий порядок и организацию общества под сильным руководством. Народ утратит веру в Правящую Партию, а других конкурентов у нас не будет – их просто нет. Мы получим большинство голосов. Законным и мирным, заметьте, путём. Всех девушек после выборов отпустим – мы сделаем так, что им никто не поверит, и они не будут представлять для нас угрозы. Что думаете, Герберт?

– Я не силён в вопросах современной политики, но то, что вы говорите, звучит вполне здраво и логично. Правда, не уверен в том, что похищать именно девушек, как какие-нибудь серийные маньяки – достойная идея.

– Исчезновение молодых, красивых и преданных Правящей Партии девушек вызовет больше жалости и сильнее шокирует общество.

– А почему тогда не детей? – с издёвкой спросил я.

– Ну мы же не так жестоки, Герберт, – спокойно улыбнулся мне руководитель тайного общества, – Итак, программа партии, её участие в выборах – всё это я беру на себя. Моя репутация до сих пор оставалась безупречной. Я руководил «Единым Центром Волонтеров» на протяжении целого десятка лет. Дело остаётся за малым. Нужно подготовить благодатную почву.

– Да! Выберем девушку из городской дружины – и пригласим к нам в гости! – воодушевился парень с чёрными волосами.

– И это должен сделать ты, дядя Герберт, – встрял Джа, – Потому что тебе будет проще. У тебя-то ещё не так много снимков, а мы уже все засветились. Уже по году или два нараслаблились в «капсулах». А ты как раз предьявишь нам, что тебе можно доверять, и ты один из нас!

– Не стану я этого делать. Похищать людей только потому, что они запрещают курить на улицах и...

– Герберт, вы, похоже, не до конца понимаете наше положение, – перебил меня Экхарт с мрачной усмешкой, – Впрочем, вам простительно, вы ведь присоединились к нам – я имею в виду, к нашему «светлому обществу» – всего лишь...

– Три месяца назад, – снова вставил Джа своё веское слово.

– Да. Так вот. Дело ведь не в том, чтобы курить или не курить, улыбаться или не улыбаться. Это то, что лежит на поверхности. Если же мы копнём чуть глубже... Как вы думаете, куда они дели всех настоящих преступников?

Я промолчал. И сам желал бы это знать.

– «Исправительных капсул» на всех не хватило. Они их просто убили. Двадцать лет назад. Ввели смертельную вакцину – и дело с концом. Всем, кто сидел в тюрьмах. «Очистили» наше общество.

– Что-о? А как они объяснили это их родственникам?!

– Всё это не афишировалось. Они действовали очень осторожно, я бы даже сказал – исподтишка. Как убийца, который сначала улыбается тебе, а потом вонзает нож в спину. Так вот, родственники заключённых узнавали об их смерти постепенно. Одним рассказали байку о неизлечимой болезни, другим – о пожаре в тюрьме, третьим – о побеге, четвёртым – о самоубийстве... И оповещали всех в разное время. У людей не было никакой возможности объединиться друг с другом и добиться правды. Я сам пробовал, я знаю, – Экхарт посмотрел на меня очень внимательно и грустно. По его столь суровому и непроницаемому лицу пробежала тень печали, глаза потемнели, а складка на лбу стала ещё глубже.

– Так, может быть, это и правильно? Давно пора было ввести смертную казнь для убийц, насильников и...

– Разрешите, я продолжу ваш перечень. Для убийц, насильников и воров, а также для всех тех, кто однажды превысил самооборону, защищаясь от них; для злостных неплательщиков по кредитам, для неудачливых бизнесменов, которые «проштрафились» перед государством, для водителей, которые однажды сели за руль после бокала пива, для всех, кто хоть раз курил травку, а также для революционеров и свободных мыслителей, которые пытались протестовать против нашей Правящей Партии.

– Их тоже..?

– Да. Наравне с убийцами под раздачу попали все. Как вы считаете, Герберт, все ли из перечисленных мною заслуживали смерти?

– Разумеется, нет! Но кто же тогда сейчас в «капсулах»? Неужели только курильщики?

– Вы угадали, Герберт. Вместо настоящих преступников в «капсулы» посадили «общественно опасных элементов»: этот за проезд не заплатил, этот бумажку мимо урны кинул, а этот, о ужас, выругался матом при всех! А как вы думаете, откуда они берут деньги на содержание этих новых «преступников» в таком комфорте?

– Из... государственного бюджета?

– Именно. Думаете, почему у нас развелось так много разных волонтеров: воспитателей умов и учителей, очистителей улиц, дружинников? Почему это стало таким модным?

– А если ты ничем таким не занят – ты первый претендент в «капсулу»! – со злобой воскликнул парень, развалившийся в гамаке в дальнем углу комнаты.

– Потому что у государства больше нет денег платить этим людям, – с ледяным спокойствием продолжал Экхарт, – Всё уходит на исправительные учреждения, поддержку всех развивающих заведений вместе взятых и пропаганду волонтерства! А теперь они собрались отменить все законы и установить Анархию. Вы представляете, Герберт, как она развяжет им руки? Что они начнут творить? Хватать любого неугодного человека – и в лучшем случае в «капсулу» его, а в худшем – устранить как угрозу этой мифической Сатья-юге!

В комнате воцарилось молчание. Я едва дышал. Я всегда чувствовал, что с этим миром что-то не так, но не знал, что именно.

– Я всегда подозревал... что нам чего-то не договаривают. Ну не могли все преступники разом взять – и исчезнуть. Не могли все люди в стране вдруг стать хорошими, правильными и добрыми. Невозможно было вот так просто искоренить все пороки общества.

– Ну разумеется, невозможно. Как это ни назови – хоть Сатья-югой, хоть Царством истины, хоть Раем на земле! Поэтому проблему решили вырвать с корнем. Просто уничтожить всех преступников, вплоть до мелких нарушителей и хулиганов...

– ...и взять под строгий контроль всех, кто хоть немного не вписывается в рамки. – продолжил я.

– Именно. Так вы с нами? – настойчиво спросил глава контранархистов.

– Я подумаю.

– Думайте быстрее, Герберт! Или и дальше широко улыбайтесь вместе с *ними*, как болванчик, которому разрезали рот от уха до уха! – впервые за весь вечер повысил голос невозмутимый с виду Экхарт. Я заметил, как его ладони сжались в кулаки.

Я глотнул ещё абсента, распрощался со всеми и вышел, пообещав вернуться завтра.

Хорошенький выбор.

Или я и дальше буду прозябать один в толпе жизнерадостных «болванчиков», как метко выразился Экхарт, или... совершу преступление, на сей раз самое настоящее, не то, что кража апельсинов.

Или мне придётся до конца жизни играть по их правилам и выворачивать себя наизнанку, лишь бы соответствовать выдуманному идеалу человека нового общества, а потом они всё равно засадят меня тухнуть и тупеть в «капсулу» или... Или я стану подонком, который, пригласив девушку на свидание, предложит ей прогуляться по городскому парку, затащит в кусты, заклеит рот и увезёт вместе с шайкой отступников в неизвестном направлении.

И, кажется, у меня есть одна девушка на примете...

Нет больше надобности врать и говорить ложь, ведь в Сатья-йогу все потребности человеческой жизни и так сполна удовлетворяются: общественное развитие в сфере экономики, политики, физического и психического здоровья значительно шагнуло вперёд, и все принимают путь правды без принуждения извне. Во время каждого действия отныне человек задумывается – делает ли он это с чувством справедливости и любви? И это становится единственным критерием для оценки любого поступка. Настоящая Сатья-йога приходит тогда, когда больше внимания уделяется выгоде других людей, чем своей собственной.

Глава 7. Две стороны зеркала

Я проснулся от нестерпимой головной боли. Пожалуй, не стоило вчера пить так много. В сочетании с сигарами абсент не слишком хорошо подействовал на меня. Я валялся в постели и смутно вспоминал минувший вечер. Всё произошедшее казалось мне каким-то сюрреалистическим бредом; на секунду я даже засомневался, уж не приснилось ли мне всё это. Тайное общество. Контранархисты. Похищение девушек. Смена партии. О Господи. При чём здесь я? Что за нелепые мысли вчера приходили мне в голову? Ведь я же почти согласился на всё это! Нет уж, увольте. Вы, ребята, развлекайтесь, удачи вам. Бунтуйте, устраивайте революции, выдвигайтесь на выборы, воздействуйте на умы народа...

А я слишком стар для этого – во всех смыслах. Лучше я буду тихо и незаметно тухнуть в своей квартире, распивать каждый вечер спиртное и с удовольствием приближать себя к концу, наблюдая за всем этим хаосом, что творится вокруг, чем с головой брошусь «во все тяжкие», как какой-нибудь пылкий юноша и отчаянный революционер. Спасибо, но это без меня. Я ни во что больше не верю и ничего не хочу. Оставьте меня все в покое. Дайте мне спокойно деградировать здесь в одиночестве. Меня пока никто не трогает – и ладно. Впредь буду осторожнее. Курить только в квартире. Ругаться только когда «оранжевых» нет на горизонте. Я справлюсь. Я примирюсь. Всё равно моя жизнь давно закончена. Всё равно ничего не вернёшь.

Дверной звонок. Проклятие! В последнее время меня вынуждают слишком много общаться. Три месяца в тишине и уединении были мне больше по нраву. Кто может звонить мне в дверь?! Любопытство взяло верх над безразличием. Я лениво поплёлся открывать, на ходу заглатывая таблетку «аспирина» сорокалетней давности. Пожалуй, стоит прикупить более современных лекарств...

За дверью стояла женщина средних лет в строгом брючном костюме, с тщательно убранными волосами; она держала в руках раскрытый телефон, водила пальцем по экрану и улыбалась такой радостной улыбкой, будто только что поела кексов с марихуаной. Она шагнула в квартиру так уверенно, словно мы были давними друзьями, и уставилась на меня, явно ожидая приглашения пройти и выпить чая. Я оставался невозмутимым и упорно молчал, глядя на неё.

– Доброго вам дня, мистер Герберт! Я пришла к вам из частного Центра Волонтеров имени Сатья-юги. Мы проводили электронную перепись наших участников из этого района и обнаружили, что вас нет ни в одном списке. Я пришла предложить вам варианты. Что больше откликается в вашей душе: озеленение улиц, воспитание подростков, охрана порядка на улицах или... – я с удовольствием наблюдал, как вытянулось её лицо, когда я достал из кармана помятую сигарету, щёлкнул зажигалкой и затянулся. Она не «оранжевая», у неё нет фотоаппарата.

– Извините, вы не могли бы не курить, дым попадает на меня и...

– Я у себя дома. А если вас что-то не устраивает – в вашей воле избавиться от моего неприятного общества, – я мысленно поздравил себя с тем, как быстро и ловко я освоил современный стиль общения.

– Так чем бы вы предпочли заняться на благо нашего общества?

– Я? Серьёзно? Дайте подумаю. Я предпочёл бы пить абсент и целыми днями валяться на диване. Это вас устроит?

У дамы, кажется, сбились какие-то внутренние настройки. Она беспомощно молчала и хлопала глазами. Мне уже поднадоела эта комедия, и я начал было раздумывать, что будет, если просто аккуратно выставить её за дверь... И жаль, что я этого не сделал. Потому что женщина пришла в себя и выдала:

– В таком случае уведомляю вас, что в случае вашего отказа вступить как минимум в один волонтерский центр вы будете обязаны заплатить штраф.

– Штраф?! С чего это?

– Да. В размере тридцати процентов от вашего ежемесячного дохода. И такой штраф вам придётся платить каждый квартал.

– Это вы придумали – или так написано в сборнике законов «золотой эпохи»?

– Это правило действует для всех граждан нашей страны.

– А что будет, если я откажусь платить?

– Невозможно. Деньги всё равно будут сняты с вашего банковского счёта.

– Слава «золотой эпохе»! – я схватил первое, что попало мне под руку, а именно – свой ботинок, и зашвырнул его в другой конец коридора. Со стены с грохотом свалилась картина. Дама испуганно взглянула на меня и поспешила удалиться. Я гневно захлопнул за ней дверь. Прекрасно! Я должен ещё откупаться от них, чтобы меня не трогали. Тридцать процентов! Тридцать! Треть моих доходов от сдачи квартиры. Да, денег у меня ощутимо убавится.

Неужели все так живут? Неужели все с этим согласны? Или им действительно в радость заниматься всей этой ерундой в волонтерских центрах? Нет, ладно молодёжь. Для них это нечто вроде клуба по интересам. Но взрослые люди тоже обязаны в этом участвовать? Теперь я ещё лучше понимаю и разделяю недовольство моих вчерашних собутыльников. Будь во мне чуть больше жизни и энергии, я бы и сам с готовностью взялся за смену режима, за создание и продвижение новой правящей партии.

Несмотря на то, что меня всё ещё мучило, я отправился в магазин. Закуплюсь основательно едой, спиртным и сигаретами, и несколько недель смогу вообще не выходить из дома. Ничего приятного меня за этими стенами всё равно не ждёт. Там Адель с фотоаппаратом и её друзья. Там Джа с его ухмылочками, Экхарт с грандиозными идеями и их товарищи. Там волонтеры, энтузиасты и улыбчивые прохожие. И все они от меня чего-то хотят, чего-то ждут, к чему-то призывают. Да отправляйтесь вы все к чёрту! Я не хочу. Может быть, в другой жизни.

Стоило мне только выйти из квартиры, как я снова услышал своё имя. Какого дьявола? Я отсутствовал сорок лет. Меня никто не должен знать. Меня все забыли. Все, кто был мне дорог, умерли. Почему тогда я уже третий раз за последние несколько дней слышу «Герберт» – то на улице, то в супермаркете, то на лестничной площадке?!

Я вытащил ключ из двери и обернулся. На меня смотрела ухоженная дама и, разумеется, улыбалась.

– И вам доброго дня, хорошего настроения и всех благ! – пробормотал я, пытаюсь проскользнуть к лифту и избежать формального и до тошноты вежливого разговора с соседкой.

– Герберт, постойте! Вы меня не узнаете? Не помните?

Я остановился.

– Немыслимо! Сорок лет прошло. Признаться, не думала, что когда-нибудь вас снова увижу. Я думала, вы погибли, а потом до меня дошли слухи, что вы впали в кому. Представляете, до сих пор помню, как плакала тогда, когда узнала страшную новость... о той катастрофе...

– Благодарю за сочувствие, но я предпочёл бы ни о чём не вспоминать, – я смотрел на неё, но не узнавал. Ещё бы. Сорок лет. Чёртовы сорок лет. Полжизни, даже больше.

– Конечно, конечно... Извините меня. Это я, Джулия. Вы помните? Мне было двенадцать, я иногда заходила к вам в гости и играла с вашей дочерью... А ещё я была по-детски влюблена в вас, но вы, конечно, ничего не замечали и не обращали внимания на вашу юную соседку, – засмеялась она.

Я всё вспомнил. Девочка из соседней квартиры. Она часто дарила Виолке конфеты, а моя жена укоризненно качала головой и говорила, что детям столько сладкого нельзя. А потом сама же, смеясь, кормила дочку этими конфетами, время от времени милостиво угощая и меня.

И этой девочке сейчас за пятьдесят. И она, оказывается, была влюблена в меня. Впрочем, я уже давно потерял способность удивляться чему-либо.

– Теперь вы просто обязаны зайти ко мне на чай! – постановила она.

Мне вдруг стало любопытно:

– Ну, раз обязан, то зайду.

Её квартира поразила моё воображение. Она прошла в кухню, и свет зажёгся сам. Она сказала: «Два чая», и машинка принялась сама разливать по чашкам ароматный кипяток. Она крикнула: «Музыка, сборник пять» – и из невидимых колонок, спрятанных, должно быть, по всему периметру комнаты, полилась приятная мелодия. Она села в массажное кресло – и оно мгновенно откинуло спинку и опустилось, создав максимально удобные условия для своей хозяйки и слегка завибрировав. Я смотрел на всё это, открыв рот. И, вроде бы, ничего слишком уж необычного и принципиально нового – но в моё время такие вещи не были распространены в быту, да... Кстати, а как всё это работает – неужели на электричестве?

– Джулия, а как работают все эти датчики движения, музыка и прочее? – я оглядывался по сторонам, но не видел ни розеток, ни проводов.

– Они берут энергию из воздуха, – удивлённо взглянула на меня хозяйка и вдруг взмахнула руками, – Ах, ну да, конечно, вы же не знаете! В ваше время такого ещё не было. Это, понимаете, как беспроводной интернет. Радиоволны летают по комнате, и все устройства автоматически питаются этой энергией.

– Неплохо! Наконец это придумали, – оценил я.

– Я, наверное, сумбурно объясняю, – забеспокоилась соседка, – Для меня-то это уже само собой разумеющееся. Ещё есть датчик температуры, он сам настраивает комфортный режим в помещении. Ещё – автоматический очиститель воздуха. Всё это спрятано в стенах, больше не нужны никакие батареи или что там раньше было, кондиционеры?

И всё-таки это любопытно. Я совершил небольшое путешествие во времени. И оказался в новом мире. Фантастика. До сих пор не могу до конца в это поверить. Машины с автопилотом. Энергия из воздуха. Вот только с путешествиями на Марс как-то по-прежнему не очень.

– Как вы, Герберт? Я видела сюжет о вас в Сети. Врачи рассказывали, как испробовали какое-то новое лекарство на человеке, сорок лет пролежавшем в коме, и оно подействовало всего за два дня. Потом показали вас. Вы были очень бледны и лежали без движения, а ваше лицо напоминало восковую маску. А следующие кадры – вы, уже бодрый и полный жизни, взволнованно разговариваете с врачом. Как здорово, только подумайте! Вас вернули к жизни, а вы помогли современной медицине шагнуть вперёд и убедиться в эффективности лекарства!

– Что-то не помню, чтобы я на это соглашался, – мрачно заметил я. Не зря мне казалось, что я стал невольным участником эксперимента.

– Ну конечно, как вы могли согласиться, когда вы лежали в крио-камере, не приходя в сознание! – рассмеялась она.

Смешно. Действительно. Чего это я?

– Что за крио-камера? Заморозка?

– Да. Вы прекрасно выглядите. Молодо и свежо.

Тут я подумал, что и Джулия выглядит слишком хорошо для своих пятидесяти с лишним лет. Я бы дал ей максимум сорок, никак не больше.

– Вы тоже используете разные крио-процедуры? На вашем лице почти нет морщин.

– Да, конечно. Правда, они довольно дорогие, но раз в год я могу себе это позволить.

Джулия наконец вспомнила про чай. Она повернулась к аппарату и протянула мне чашку густого тёмного напитка с ароматом манго. Быть не может! Почти нормальный чай. Я думал, *здесь* теперь пьют только чай из травы.

– Спасибо. Вкусный чай.

– На здоровье, Герберт! – разулыбалась хозяйка. – Вот, берите ещё, пожалуйста, печенье и злаковые тосты. И виноградный джем. Или вы больше любите из маракуйи?

– Благодарю, мне всё равно.

Чтобы спокойно поесть, я перевёл стрелки разговора на собеседницу, поинтересовавшись, как у неё дела и чем она живёт. Она, забыв про чай, тут же принялась без остановки болтать. О том, как она любит животных и как ей нравится её работа ветеринаром, вот только дома у неё нет зверушек, потому что она часто пропадает на работе до поздней ночи, а потом ещё спешит в центр помощи бездомных собакам и кошкам, которых, впрочем, с каждым годом становится всё меньше. О том, что она всегда мечтала о большой семье, но не сложилось: детей нет, муж таинственным образом исчез двадцать лет назад, и с тех пор она посвятила свою жизнь работе.

Услышав про мужа, я чуть чаем не подавился. Сам не понимаю, почему, но меня это известие сильно взволновало.

– Как исчез?

– Сколько раз я задавала себе этот вопрос, вы бы знали, Герберт! Он не мог уйти и бросить меня, он меня очень любил. И даже если бы захотел расстаться – обязательно бы сделал это по-человечески. Он не мог просто сбежать. И убить его не могли. В тот год как раз перевелись все преступники, и официально наступила Сатья-юга, да и не было у него врагов.

Любопытно. Контранархисты как раз говорили, что преступников убили двадцать лет назад. Так, может быть..?

– А что, если он сделал что-то плохое перед исчезновением..? Вы думали об этом? Может, нарушил какой-то закон?

– Почему вы спрашиваете об этом? Вообще-то да, было там одно нехорошее происшествие... Знаете, у нас тогда был сложный период, мы влезли в кредиты... я лечилась, пыталась забеременеть... И мой Эдвард подделал документы, подделал наши паспорта и изменил фамилии. Он знал, как это всё происходит, сам работал в этой сфере. Уж не знаю, что он там ещё придумал, да только кредиторы от нас отстали. Официально у них на нас ничего не было. Хотя они грозились докопаться-таки до правды при помощи полиции... А через три месяца он пропал.

– Так это их рук дело! Кредиторов и полицейских?

– Что вы, что вы, – отмахнулась Джулия. – Я же говорю – как раз в тот год наступила новая эпоха. Немыслимо, чтобы кто-то совершил такое преступление, так как преступников на свободе просто не осталось.

– Да почему вы так в этом уверены?

– Я это точно знаю, Герберт. И как бы мне ни было больно, я никогда никого не обвиняла в исчезновении мужа. Вероятно, с ним случилось какое-то страшное несчастье. Это было летом. Может быть, он утонул в реке.

– Утонул в реке? Но это же абсурд!

– Почему абсурд? Мой Эдди любил купаться, и делал это при каждом удобном случае.

– А вы слышали что-нибудь про убийства преступников в тюрьмах?

– Это же просто сплетни, Герберт. Ну что вы. Сплетни, которые распускают обиженные подростки и алкоголики, потому что им больше не дают свободно пьянствовать и буяннить.

Просидев у соседки ещё десять минут, я вежливо распрощался и продолжил свой путь в магазин. Моя ненависть к новой эпохе усилилась. Проклятое время! А Джулия – просто наивная дура, которой заботливо вложили в голову «правильные» убеждения. Совершенно очевидно, что её мужа тайком убили, как «неподходящего» новому миру человека, как преступника, несмотря на то, что он даже в тюрьме не сидел и не был осуждён. А она улыбается, верит всему, что ей говорят, и твердит какую-то чушь о том, что он утонул.

В сильном волнении я чуть не налетел на прохожего, который тут же извинился и доброжелательно улыбнулся мне – так широко, будто рекламировал зубную пасту! Я почувствовал сильное желание выбить ему все эти белоснежные, безупречно ровные зубы. Теперь я знаю почти наверняка: улыбки этих людей сделаны из крови тех, кто улыбаться так и не научился и посмел хоть в чём-то не соответствовать идеалу «золотой эпохи». Да, разумеется, подделывать документы и скрываться от кредиторов нехорошо – но разве человек, решившийся на это, заслуживает смерти?

Я знал. Я всегда знал, что с этим обществом что-то не так. Кругом одна фальшь. Красивая блестящая обёртка, внутри которой вместо конфеты скрывается комок ноябрьской грязи.

Я много раз думал – а что, если Марта всё-таки осталась жива в той аварии? Ей сейчас должно было бы быть чуть больше семидесяти лет. Что, если она переехала жить за границу и просто не знает о моём пробуждении? Или, быть может, наоборот – знает. И специально не напоминает о себе, боясь моей реакции? И сама попросила врачей солгать мне о её смерти? Представляю, как ей было бы тяжело вновь меня увидеть. Наверное, она так бы и не решилась встретиться со мной, боясь заглянуть в мои глаза и обнаружить в них недоумение – кто эта пожилая дама с морщинистой кожей и седыми волосами? Нет, это не моя прекрасная, молодая, тонкая и гибкая рыжеволосая Марта!

А я – как бы чувствовал себя я? Да, я бы обнял её – а что потом? Время безжалостно. Страшно видеть любимую женщину, подошедшую к финальной четверти жизни, в то время как сам ещё вроде бы молод. Даже если она регулярно проходит все эти крио-процедуры и хорошо выглядит... Но я всё равно бы встретился с ней. И мы стали бы жить вместе, я относился бы к ней с заботой и уважением, как к матери. Ухаживал бы за ней. Слушал бы её истории из жизни. И мне сейчас не было бы так пусто. Хотя... Может быть, она снова вышла замуж, и сейчас рядом с ней – какой-нибудь ворчливый старик? Как я сам, только с седыми висками.

Бред, бред! Она мертва. Она погибла в тот солнечный летний день сорок лет назад. Я один. Абсолютно один в этом чужом холодном будущем.

Мои родители меня, конечно, не дождалась. Мой товарищ умер несколько лет назад. И соседка – единственный человек, который меня помнит. Интересно, есть ли кто-то ещё? Из тех, кого я знал, и кто ещё жив? Я начал хаотично перебирать в памяти имена. Впервые за несколько месяцев я вдруг ощутил жгучую потребность найти хоть кого-нибудь. Поговорить по душам об этой «золотой эпохе», без улыбок и масок. Выяснить, на самом ли деле всё так плохо – или я просто отношусь к этой «идиллии» предвзято? Действительно ли мужа соседки убили, как и других преступников – или это не более, чем сплетни? Правы ли контранархисты в своей борьбе – или это всего лишь шайка вечно недовольных «революционеров», из тех, кто только и умеет, что ломать, не думая, чем это всё обернётся, и как потом всё отстраивать заново..?

Я выписал на листок список имён и зашёл в Сеть. Поисковые системы и социальные сети равнодушно предлагали мне совсем не те лица, которые я ожидал увидеть. Двоюродный брат. Племянница. Коллега. Ещё один коллега. И ещё один. Подруга жены. Брат жены. Приятель. Ещё один. Никого. Никого. И куда они все делись? Имена, что ли, все поменяли? Или умерли от старости в свои всего лишь семьдесят лет – при современном-то уровне медицины? Странно.

Наконец, пролистав десятки страниц социальных сетей, я понял, в чём дело. Их сотни. Даже тысячи. Виртуальных профилей. С одинаковыми именами и фамилиями. В разы больше, чем в моё время. В Сети за эти сорок лет стало так тесно, что никого знакомого в этой пёстрой толпе так просто не отыщешь. И на первые сотни мест выходят страницы современной молодёжи. Видимо, они активно продвигают их и раскручивают, а старики уже давно потеряли интерес ко всей этой виртуальной гонке?

Я откопал в ящике стола потрёпанную телефонную книжку. Принялся звонить. Нет сигналов, нет гудков, нет признаков жизни. Да, наверное, и номеров-то таких больше нет, и домашних телефонов давно не осталось. Может быть, ещё действительны те мобильные номера, что были записаны в моём старом телефоне? Может быть. Но телефон сгинул под грудой покореженного металла сорок лет назад. Что ещё мне остаётся? Бродить по знакомым местам и наугад звонить в квартиры бывших друзей и родственников, пытаюсь вспомнить нужную? И надеюсь, что они не переехали, не умерли..? Сомнительное удовольствие.

Однако в конце концов мои поиски в виртуальном пространстве увенчались успехом. Мартин. Семьдесят два года. Мой приятель с работы. С фотографии мне улыбался весёлый, жизнерадостный дедушка, обнимающий двух молодых красоток на залитой разноцветными огоньками сцене. Это он! Точно он! Я листал ленту фотографий и тоже невольно улыбался. Вот он в ночном клубе. Вот он танцует, размахивая руками. Вот он с бутылкой виски. Молодец! Он, похоже, ничуть не изменился. Возраст его не изменил. Он даже стал ещё большим психом, чем раньше.

Отлично. Это как раз такой человек, которого я хотел найти. Написать ему? Позвонить? А, вот он и адрес указал. Пожалуй, лучше сразу отправлюсь к нему в гости. Чтобы не отвечать на лишние вопросы.

Взъерошенный дедушка с яркими, живыми глазами бодро распахнул дверь, после чего на целую минуту завис, потерял дар речи и просто разглядывал меня округлившимися глазами. Осознав, наконец, что это действительно я, мой приятель из прошлого воскликнул хриплым голосом:

– Господи Иисусе! Твою ж дивизию! Герберт!!!

Я улыбнулся и зашёл в квартиру.

– Япона мать, я сегодня ещё не пил! И галлюцинациями не страдаю! Ты как это с того света вернулся?!

– Марти! – я крепко его обнял и похлопал по спине, – Ты молодец! Отлично выглядишь для своих лет. Вовремя завязал с выпивкой?

Вместо ответа хозяин махнул рукой, приглашая меня в комнату, молча подошёл к мини-бару, приложил палец к сенсорной панели, вытащил бутылку коньяка, всё так же молча налил две рюмки и, не дожидаясь меня, залпом опрокинул свою.

– А стоило завязать, стоило! Дело говоришь... Ёкарный бабай! По крайней мере ко мне в гости не являлись бы призраки! – он громко, но как-то нервно расхохотался. Он пребывал в лёгком шоке. Да, пожалуй, я слишком опрометчиво к нему заявился. Ладно Мартин, он всегда был парнем крепким, весёлым и невозмутимым, но другого на его месте мог бы и удар хватить. Надо впредь быть поосторожнее с такими шутками.

– Увы, я не призрак, я очень даже жив, – скромно заметил я.

– Приятель, но ты же погиб лет тридцать... нет, сорок назад! Поправь меня, если я что-то пропустил. Какого лешего?

– Я впал в кому. На сорок лет. А три месяца назад проснулся.

– Ёперный театр!

Мартин опрокинул ещё одну рюмку и заулыбался:

– Даа, удивил, старина! Удивил. Вот уж не думал, что меня ещё можно чем-то удивить!

Вдруг он прищурился, пригнул голову и с подозрением посмотрел на меня, активно обдумывая какую-то новую мысль. Потёр рукой по моему плечу, потрепал по щеке и выдал:

– Погоди-ка! Чёрт побери! А ты чего это совсем не постарел?!

– Сам не пойму. На мне, похоже, провели эксперимент. И он прошёл удачно.

– Иисусе! Я-то думал, это всё слухи и пустые разговоры! А эта их заморозка и правда работает, етить твою налево! Ты представляешь, – заговорщически зашептал он мне на ухо, – Говорят, ещё пару десятков лет – и эта крио чего-то там станет обычным делом! Тебя запихнут в ледяной гроб, ты там поморозишься, произлучаешься насквозь – а вылезешь как новенький! Было тебе сорок, а стало снова тридцать! И так до бесконечности!

– Так протяни ещё пару десятков, приятель, и испробуешь все эти прелести на себе, – криво усмехнулся я.

– Нет уж, благодарю покорно! Чего ещё я тут не видел, чтобы застрять здесь на целую вечность? Да и вообще... Надоело всё! Знаешь, ностальгия накрывает. Тоска. По временам нашей с тобой молодости. Эх-х, и весело же было тогда! А сейчас что? Я старик, и красотки обращают на меня внимание только тогда, когда место в трамвае уступают! – разошёлся он. Я даже позавидовал его жизненной энергии и запалу.

– Ну а чего ты хотел, друг мой? – я хлопнул его по плечу, – Годы берут своё. Ты разве не нагулялся в молодости?

– Эге, от кого я это слышу?! Тебе-то легко говорить, парень! Ты выглядишь вполне себе свежим и полным сил. В сыновья мне годишься, японский городской! Заведёшь себе подружку, будешь жить дальше... эй, кстати, у тебя там как, всё работает? Тоже заморозили? Ну вот, молодец, тогда точно найдёшь!

– Вот здесь, – я показал рукой на грудь, – Не работает. И не нужен мне никто.

Следующие двадцать минут я терпеливо выслушивал бурные излияния моего постаревшего на сорок лет приятеля. Всё, о чем он с таким пылом болтал, касалось лишь двух тем: ушедшая молодость и женщины, женщины и ушедшая молодость. Он вспомнил всех своих любовниц и обеих жен, между делом упомянул о детях и доверительно сообщил мне о том, что в «золотую эпоху» очень сложно найти стоящее порно. Я ухватился за эту мысль. Разумеется, не про порно, а про эпоху.

– Ты совсем не изменился, и годы тебя не берут, – улыбнулся я и перевёл наконец разговор на волнующую меня тему. – Расскажи-ка мне лучше про новую эпоху. Что ещё изменилось кроме того, что не достать порно?

– Ни черта не достать, Герберт, ни черта! Ни виски нормального, ни порно, ни... А, ну его! – махнул он рукой.

Я понял, что так ничего путного от него не добьюсь, и решил говорить прямо:

– Марти, ты слышал что-нибудь о том, что двадцать лет назад в стране убили всех преступников?

Он крепко задумался и покачал седой головой:

– Слышал, слышал. Признаться, никогда я в это не верил и думал так, ерунду болтают. Пока несколько моих друзей не исчезли бесследно. Пару десятков лет назад. Отчаянные, конечно, были парни. Один из них финансовыми махинациями занимался, второй кокосом нос пудрил, третий гонял ночью и сбил насмерть пешехода. Впрочем, он уверял, будто тот сам поскользнулся и свалился ему под колёса...

– И что с ними случилось? – затаив дыхание, спросил я.

– Говорю же – ис-чез-ли. Куда, где, когда – никто не знает. Одного арестовали, двое других просто как сквозь землю провалились. Тут я, конечно, призадумался. Ну а что делать? Делать, ёлы-палы, нечего! Нашёл себе новых приятелей, более добропорядочных, кхм!

Ещё полчаса, и мне удалось избавиться от общества этого весёлого и энергичного старика. Я был рад его видеть, рад вновь услышать его шутки, но так долго разговаривать и улыбаться было выше моих сил. Мне и раньше-то Мартин казался слишком уж бесшабашным и шумным, а теперь, учитывая моё прекрасное настроение, и подавно.

Я направился домой. Я узнал всё, что мне было нужно. Теперь я, по крайней мере, понимаю, что происходит вокруг, и в каком мире я живу. Теперь я имею полное моральное право ненавидеть его дальше. И теперь я верю всему, о чём говорили контранархисты.

Сатъя-йога приносит с собой тысячи изменений и преобразований, которые идут у людей от самого сердца. В их мыслях возрастает притяжение к добродетели и уважение к правде, в умах и душах зарождается и не потухает более радость. Интерес к моде и гедонизму понижается, на смену ему приходит тяга к духовности, мудрости, искусству, истории, литературе, науке и экспериментам. Люди перестают потакать своим порокам и бездумно предаваться наслаждениям; даже самые богатые из них носят обычную одежду и ведут простой образ жизни.

А на следующий день меня ждал ещё один сюрприз. Я преспокойно смотрел фильм, пил кофе и жевал булочку, когда на всю квартиру прогремел дверной звонок. Экхарт собственной персоной. Всё в том же деловом костюме и строгом пальто. Все с тем же серьёзным выражением лица и пронизательным, умным взглядом.

– Как вы узнали, где я живу? – вместо приветствия спросил я, открывая дверь.

– О, не удивляйтесь, Герберт, наши возможности куда шире, чем вам могло показаться. Мы имеем доступ к Закрытой Городской Сети. Там хранятся данные всех жителей, включая адреса. Не волнуйтесь, я не стану этим злоупотреблять и беспокоить вас в дальнейшем, я пришёл поговорить с вами – всего один раз.

– Экхарт, боюсь, что зря потрачу ваше время. Я оценил ваши идеи и от всей души желаю вам удачи. Но сам я не смогу быть вам ничем полезен. Откровенно говоря, я не хочу. Я чувствую себя улиткой, которая пытается спрятаться от внешнего мира в свой панцирь, и я не способен на подвиги во имя «контранархии» и ради нашего общества, до которого мне, если честно, нет абсолютно никакого дела – лишь бы меня не трогали.

– Прекрасно понимаю вас, Герберт! На вашем месте я и сам бы предпочёл ни в что не ввязываться и никуда не лезть. Вы разумный человек!

Мой гость не спеша прошёлся по комнате, оглядывая её скромное убранство.

– Именно ваша разумность мне и нравится. Именно поэтому я хотел, чтобы вы присоединились к нам. О, ничего себе, какая у вас сохранилась вещица, – Экхарт взял в руки мой старый домашний телефон на проводе. Я бы выкинул его ещё лет пятьдесят назад, да жене он очень уж нравился.

– Такой аппарат я видел в детстве у бабушки. Ваша квартира полна раритетов, и они возвращают меня во времена моей молодости.

Я молча наблюдал за ним. Экхарт умел расположить к себе несмотря на его строгое, холодное лицо. В этом человеке я ощущал какую-то близость, некое родство мыслей и взглядов на мир. Неудивительно, ведь он хорошо помнит и знает моё время, мою ушедшую эпоху. Кроме того, я был благодарен ему за то, что он помог мне раскрыть глаза на происходящее вокруг. Я бы с удовольствием беседовал с ним вечерами за чашкой абсента. Однако он явно ждёт от меня активных действий и помощи, а я к этому категорически не готов.

Руководитель тайного общества приблизился к книжному стеллажу и вдруг застыл, внимательно разглядывая рамку с фотографиями моей жены и дочери. Единственная вещь, которую я так и не решился выбросить в то первое утро своего возвращения.

– Виола... Я всегда говорил, что у тебя очаровательная улыбка – открытая и искренняя, как у ребёнка. И я был прав, – дрогнувшим голосом произнёс Экхарт.

Что? Какое отношение он имеет к моей дочери?

– О чём это вы? – прямо и довольно резко спросил я.

– Я долго думал, говорить вам или нет, Герберт... Не хотел растревлять вашу рану. Но, чувствую, придётся, – замялся мой гость, растерянно пожимая плечами.

– Я внимательно слушаю вас.

– Ваша дочь, Герберт. Ваша дочь Виола. Она не погибла в тот день. Её отец впал в кому, её мать погибла на месте. А девочку удалось спасти.

Я застыл. Сердце перестало биться. Я забыл, как дышать.

– Она жива?!

– Была жива, – тихо сказал Экхарт, сделав акцент на первом слове и положив руку мне на плечо, – Была жива до двадцати пяти лет. Потом её тайно приговорили к смерти. Наше великое общество убило её.

Я молчал, судорожно хватая ртом воздух, как рыба, которую грубым рывком стащили с удочки, оторвали половину рта и бросили в пустое ведро умирать.

– Ваша дочь была настоящей красавицей, умной, интересной и жизнерадостной девушкой. Она была очень похожа на вашу жену на этой фотографии, только ещё красивее. Она реализовалась как молодой и перспективный профессор в области квантовой физики – да-да, уму этой девушки мог позавидовать даже бывалый доктор наук – и передавала свои знания студентам, а в свободное время играла на скрипке так виртуозно, так проникновенно, что я порой едва сдерживался, чтобы не пустить свою скупую мужскую слезу... Она была удивительной во всех смыслах девушкой. А потом...

– Что потом?

– Потом она пошла на день рождения к подруге. Я до сих пор не могу простить себя за то, что в тот вечер работал. И не встретил её. Она возвращалась домой поздно. Одна. На неё напали. Двадцать лет назад последние подонки всё ещё разгуливали на свободе... Виола... Она... В общем, она была не из тех, кто становится безропотной жертвой. Она отчаянно сопротивлялась и... убила его. У неё был нож... я подарил ей... она всегда носила его с собой... Он не успел её тронуть, она защитила себя. Но... на другой же день её арестовали. Герберт, я ничего не мог сделать! Я пытался её спрятать – они её нашли. Я подключил все свои связи – от меня отвернулись даже близкие друзья. Я хотел подкупить судей – они не стали меня слушать. Её посадили на десять лет в «капсулу» за убийство – никого не интересовало, что это была всего лишь вынужденная самооборона... А через несколько недель... Виола вдруг перестала выходить на связь. Видеосвязь с заключёнными в то время разрешалась каждую неделю. Я стучал во все двери. Я искал её. Я умолял. Я просил. Я требовал. Я угрожал. В конце концов мне сообщили, что её больше нет. Что она скорострительно скончалась от неизлечимой болезни. Но я-то знал, я знал, Герберт, что это неправда! В то время неизлечимых болезней уже не оставалось. Они её просто убили. Как и всех остальных. Ей ввели смертельную вакцину наравне с настоящими преступниками. Она попала под общую «великую чистку». Об этой так называемой чистке общества знали лишь в избранных кругах. Я узнал случайно. Они убили всех. Всех до единого, чтобы освободить «капсулы». И вашу дочь. Двадцать лет назад.

Я молчал, чувствуя себя так, будто по моей голове шарахнули комодом.

– Вы... любили её?

– Да. Вы поняли правильно. Мы были вместе несколько лет, и я собирался сделать Виоле предложение незадолго до... Так что, Герберт – если бы не наше «светлое общество», я стал бы вашим зятем. Забавно, не правда ли? И, надо полагать, мы бы сейчас познакомили вас с вашими внуками. И вы не были бы столь одиноки и несчастны. И ни о какой партии контрнархистов разговоров бы не шло. А если бы и шло, то, по крайней мере, без нашего с вами участия.

– Всё это не укладывается в моей голове. Это... абсурд какой-то... Знаете, я не верю в совпадения. Наша с вами встреча...

– А она и не была совпадением, – подняв вверх ладонь, перебил Экхарт, – Я знал, что вы проснулись, и искал случая познакомиться с вами. А тут ещё оказалось, что Джа видел вас на старых видео, и даже живёт в одном районе с вами. Он заметил вас в магазине и вызвался привести к нам. Видите, Герберт, я открыто говорю вам обо всём, не считаю, что должен это скрывать.

– Но когда я вернулся в нашу квартиру, все вещи оставались нетронутыми. Неужели Виола здесь ни разу не была?

– Она рассказывала, что воспитывалась в детском доме. А познакомились мы с ней вообще в другом городе. Она никогда не упоминала о квартире и, думаю, сама не знала и не помнила о ней. Конечно, её должны были бы известить о наследстве... но, видимо, официально считалось, что вы живы, а значит, квартира ваша.

– Моя дочь ни разу не приходила ко мне в больницу?

– Ну разумеется, приходила. Много раз. И я вместе с ней бывал у вас. Вы лежали в клинике на улице N, в отделении номер пять. Так что мы с вами познакомились гораздо раньше, чем вы думали.

– Почему врачи сказали, что она погибла в аварии?

– Чтобы вы не пытались её искать и выяснять подробности о ней. Чем меньше человек знает о тех тайных убийствах – тем лучше для спокойствия общества.

– Простите, Экхарт, но вы уверены, что та ваша возлюбленная... что это была именно моя Виола?

В ответ мой гость сунул руку в карман и молча протянул мне что-то. Я не поверил своим глазам. Внутри всё оборвалось, а сердце будто куда-то провалилось и перестало биться. Это был браслет. Тот самый браслет, который я подарил дочке за два дня до... Браслет из ярких разноцветных стеклянных бусин... Я сжал его в кулаке и поднёс к лицу. Мои глаза наполнились слезами. Впервые с тех пор, как я очнулся.

– Виола очень берегла этот браслет. Она часто повторяла, что это последнее напоминание об её любимых папе и маме... Теперь вы верите мне, Герберт?

– Да, – уже не стесняясь своих слёз, дрожащим голосом ответил я.

Когда заканчивается очередная юга, весь мир сотрясает грандиозный космический катаклизм, во время которого уничтожается вся варна-санкара, что в переводе с санскрита означает «нежелательное население планеты». То есть всякий живой организм, будь то человек, зверь, птица или букашка, отказавшийся идти путём правды, просветления, духовности и развития, должен быть уничтожен. Таков закон Вселенной; и избежать подобной участи не может ни одно живое существо.

Глава 8. Один вечер из жизни городского дружинника

Пара вечеров, и я её нашёл. Городские дружинники, как правило, патрулировали определённые районы. Девушка с фиолетовыми волосами выискивала злостных нарушителей порядка в моём квартале. Разумеется, мы не могли просто схватить её посреди улицы – кто-нибудь наверняка бы заметил. Было принято решение, что я заманю её в тихий парк у реки. В тот самый, где впервые её увидел. Мне оставалось лишь назначить встречу.

В моей жизни наконец появился смысл. Прежде всего я намеревался отомстить за смерть дочери. Конкретного убийцу мне всё равно не найти, однако я могу отплатить Правящей Партии и всей «золотой эпохе» в целом. Кроме того, если всё пройдет удачно, мы победим на выборах, установим новый порядок и создадим нормальное, здоровое государство. Без натянутых улыбок и громких лозунгов, без призывов к волонтерству и штрафов за то, что не вписываешься в общие рамки. Мы спасём всех тех бедолаг, кто за ничтожные провинности год за годом просиживает в «капсулах», а также всех потенциальных преступников, которых ждут тайные казни без суда и следствия. И если для этого необходимо решиться на похищение – я готов.

Ненависть и жажда мести разъедали меня изнутри. Каждую ночь мне снились кошмары о том, как умирает моя дочь, и каждый новый сон был красочнее и страшнее предыдущего. Каждое утро я просыпался, вскакивал с постели, смотрел в окно и ненавидел этот Город до дрожи в руках. Я хотел вывернуть этот новый мир наизнанку. Я потерял рассудок, но голова моя оставалась холодной. словно голодной зверь, который выслеживает добычу, я надевал тёмную куртку, прятал лицо под капюшоном и выходил на вечернюю «охоту». Я искал среди «оранжевых» её. Девушку с фиолетовыми волосами. В образе которой нашла воплощение вся моя ненависть к эпохе.

В тот вечер я ещё издали заметил её яркий оранжевый комбинезон и сразу интуитивно почувствовал – она. Участница городской дружины стояла перед входом в «магазин эпохи Кали» и внимательно следила за его посетителями. Неужели ей совсем не страшно? Двор абсолютно тёмный. Из магазина выходят не самого благообразного вида личности. В основном мужчины, и половина из них – сильно навеселе. Если кто-нибудь из них выпьет слишком много – ему может не понравиться бдительный контроль этой девушки с фотоаппаратом и нравоучительными речами. Неужели в современном мире действительно больше нет преступлений?

Я подошёл сзади, стараясь двигаться как можно тише, и положил руку ей на плечо. Она вздрогнула и резко обернулась.

– Добрый вечер, Адель, – вкрадчивым голосом поздоровался я. Признаться, я был уверен, что она тут же отчитает меня за то, что испугал её, за то, что иду в этот магазин, а заодно за то, что от меня несёт табаком и алкоголем. Но девушка почему-то смутилась и неожиданно мило улыбнулась.

– Здравствуйте, Герберт. Как у вас настроение?

– Отвратительное, как обычно.

– Может быть, я могу вам чем-то помочь? – на её лице отобразилось искреннее участие.

– Может быть, – холодно улыбнулся я.

Тут из магазина вышли двое пьяных молодых парней. Пошатываясь, они открыли зелёную бутылку прямо на улице, сделали по глотку и затряслись от хохота. Вдруг бутылка выскользнула у них из рук и с пронзительным звоном разбилась об асфальт. Громкий мат эхом разлетелся по двору. Я посмотрел на Адель. Её лицо моментально переменилось, губы плотно сжались, а в глазах заискрился гнев. Решительными шагами подошла она почти вплотную к этим «возмутителям спокойствия», быстрым движением достала свой фотоаппарат и сделала два снимка.

– Твою ж мать! – заорал один из парней. – Это мой двадцатый снимок! Ну-ка отдай!

Он кинулся к Адель в отчаянной надежде отобрать фотоаппарат. Не меня выражения лица, девушка быстро выставила вперёд ногу и в последний момент отклонилась в сторону, толкнув парня в плечо. Тот споткнулся и полетел вперёд, как следует приложившись лицом об асфальт.

Ничего себе. Не ожидал от неё такого.

– Ах ты..! – его товарищ шагнул к активистке и замахал было руками. Адель немного напряглась, но решительно сжала кулаки.

Я почувствовал, как внутри меня поднимается ураган злости: на этих парней, на Адель, на городских дружинников, на «полузапрещённые магазины», на современное «золотое общество»... Спокойным жестом я отодвинул девушку в сторону и от всей души впечатал парню кулаком по носу. Тот пошатнулся, испуганно пригнулся и рванул прочь. Его друг поднялся с асфальта и на заплетающихся ногах побежал за ним, не оглядываясь.

– Благодарю за помощь, но не стоило. Я бы и сама справилась, – надменно заявила Адель.

Мне оставалось только прикусить язык, чтобы не выругаться вслух, и молча покачать головой. Она ненормальная. И эта фанатичность и самоуверенность её до добра не доведут.

– Я думал, в нашем «светлом обществе» насилие не приветствуется, – усмехнулся я, – А вы...

– Что – я? – вспыхнула участница городской дружины, – По-вашему, я должна была отдать ему фотоаппарат? Как бы не так!

– А как же любовь, принятие, высокий уровень духовности и всякие там высокоморальные принципы?

– Сначала мы разберёмся с такими вот... людьми, а потом уже будем говорить о любви и духовности.

– Добро должно быть с кулаками, да? – попытался пошутить я, но она проигнорировала мою реплику и отошла на шаг в сторону.

Девушка начала водить пальцем по маленькому экрану фотоаппарата. «Отправляет снимки в полицию, – догадался я. – И сейчас того бедолагу, набравшего двадцать штрафных очков, заберут в капсулу».

– А разве вы меня не сфотографируете? – саркастически поинтересовался я.

– За что? – Адель явно не ожидала услышать от меня такого вопроса.

– Ну как. Я только что дрался на улице. Это запрещено, – я посмотрел на свой покрасневший кулак.

– Вы всего лишь помогли мне успокоить нарушителей порядка, – совершенно серьёзно ответила она.

Интересно, у этой девушки есть чувство юмора? И вообще есть какие-то ещё чувства, кроме фанатичной преданности Сатья-юге и навязчивой идеи наказать всех так называемых нарушителей?

Мне не придётся оправдываться перед своей совестью. Она всё это заслужила. Полгода взаперти только пойдут ей на пользу. Более того это, быть может, спасёт ей жизнь. В следующий раз, когда какой-нибудь дебошир решит отнять у неё фотоаппарат, меня может не оказаться рядом. Она, кажется, владеет приёмами самообороны, да только что сделает хрупкая девушка против двоих или троих пьяных мужчин? Однажды она доиграется, и кто-нибудь из них решит разбить об её голову очередную бутылку. Так что, выражаясь фигурально, похитив её, я тем самым спасу её и сделаю ей же лучше. Слабый, конечно, аргумент, но мне он нравится.

Во двор вбежал запыхавшийся молодой человек в оранжевом комбинезоне.

– Адель! Всё в порядке? Я услышал шум и крики по твоему передатчику.

– Спасибо, Леон, всё хорошо! Сфотографировала двоих пьяных, и только.

– Нехороший у тебя участок... Давай поменяемся?

– Не волнуйся за меня. Если что, сразу пошлю тебе сигнал тревоги.

Пока они беседовали, я стоял в тени и изо всех сил старался слиться с серой стеной. Не хватало ещё, чтобы товарищ Адель из городской дружины увидел меня рядом с ней и запомнил моё лицо. Тогда придётся искать для наших целей другую активистку. К счастью, он не обратил на меня никакого внимания и, удостоверившись, что всё спокойно, быстро ушёл.

Меня давно занимал вопрос: неужели «нарушители порядка» всегда так спокойно позволяют их фотографировать? Почему никто не пытается убежать или просто отвернуться? Спрятать лицо под капюшоном, надеть тёмные очки..? Скорее всего, бояться. Что будет только хуже. «Оранжевые» всё равно выследят их, найдут, подкараулят у дома – и начислят на «штрафной счёт» ещё больше баллов. Однако только что я своими глазами увидел, что доведённые до отчаяния люди всё же готовы оказать сопротивление. Думаю, именно они первыми прикнут к новой партии контранархистов, как только мы дадим о себе знать. Да, не самый приятный контингент, но нам важна любая поддержка, если мы действительно хотим изменить это общество.

Я вынырнул из тени, снова приблизился к Адель и поинтересовался:

– И часто такое случается?

– Нет. Это первый подобный инцидент за целый год.

– И в чём конкретно провинились эти ребята? В том, что пили на улице, разбили бутылку или ругались?

– А вы считаете, они нормально себя вели?

– Совсем нет. Но ведь общество у нас вроде как свободное. И разве это не их право – расслабиться и повеселиться в субботний вечер?

– Нет, – отрезала защитница Сатъя-юги.

– Вы слишком категоричны, Адель. И легкомысленны. Я беспокоюсь за вас, – я и сам не понимал, говорю я серьёзно или подшучиваю над ней, – Вам лучше держаться подальше от таких ребят. И от таких, как я, тоже.

– Благодарю за заботу, Герберт. Так о чём мы с вами говорили..?

– О том, что вы хотите мне помочь. Я согласен. Научите меня быть таким же жизнерадостным и счастливым, как вы.

Услышав эти слова, Адель расцвела. Маска суровой блюстительницы порядка спала, и под ней оказалась милая девушка. Исчезли стальные нотки, голос стал мягким и бархатистым.

– С удовольствием. Я постараюсь. Тогда, может быть...

– ...встретимся как-нибудь и погуляем? – перехватил инициативу я.

– Я хотела пригласить вас на открытый урок по танцам в эту среду.

– Танцы – это прекрасно, но давайте для начала просто побеседуем. Прогуляемся по парку, да вот хотя бы завтра вечером. Обожаю поздние прогулки в ноябре. Особенно по безлюдным и тёмным местам. Особенно с красивыми девушками.

Казалось, я делал всё, чтобы предупредить её. Чтобы показать, что со мной связываться не стоит, что я немного не в себе. Чтобы вызвать у неё подозрение. Но она не понимала моей иронии и только бесконечно улыбалась, чем невероятно меня раздражала. Я назвал время и место завтрашней встречи; она с лёгкостью согласилась. Что же, тем хуже для неё.

Чтобы хоть как-то справиться с непонятным волнением, я прыгала на скакалке в центре комнаты. Я прыгала уже пятнадцать минут, но легче не становилось. Меня только всё сильнее бросало в жар. Надо будет принять холодный душ.

Почему меня так тянет к этому мужчине? Почему я теряюсь под его взглядом и всё время боюсь покраснеть, как девочка? Почему постоянно о нём думаю? Он меня одновременно при-

влекает и отталкивает – разве так бывает! Да, конечно, он курит, любит выпить, наверное, и как будто с презрением относится ко всему, что нам так дорого... Он грубый, надменный и циничный, и это отвратительно, но... Герберт совсем не похож на других нарушителей, которых я столько фотографировала, этих алкоголиков, дебоширов и неудачников, которые только и делают, что жалуются на жизнь, ноют, ругают Партию и пьют днями напролёт. Большинство из них абсолютно пустые внутри! В нём же есть что-то. Не понимаю, что именно, какой-то стержень, какая-то наполненность... Его выдаёт умный и пронизательный взгляд. Какая-то внутренняя сила. Мне кажется, он хороший человек, просто что-то сбило его с пути.

Он пригласил меня на прогулку. Это просто встреча. Просто беседа. Нет, мне не нужно весь вечер к ней готовиться. Неважно, что я надену! Это ведь не свидание. Я не буду надевать платье. Он сказал, что я красивая девушка.

Возможно, в какой-то момент он потерял ориентиры и нацепил на себя эту дурацкую маску циничности. Он не безнадёжен. Такие люди нужны нашей эпохе, нужно только вразумить его, вернуть к нормальной жизни! Я смогу это сделать? Я попробую! Иначе грош цена всем моим пылким речам. Вот он, мой шанс проверить на практике – смогу ли я помочь кому-то на самом деле измениться! Да, надо признаться, мною движет не только желание помочь ему и подарить нашему обществу ещё одного полноценного во всех смыслах человека, но и собственное тщеславие... что ж, буду бороться с этим пороком в процессе.

А ещё... Ещё его лицо не выходит у меня из головы. Меня завораживают и гипнотизируют его печальные глаза и эта дерзкая, нахальная, язвительная, но в то же время такая грустная усмешка.

Глава 9. Свидание в парке

– Герберт, я очень рада, что вы всё-таки решили со мной поговорить, – мы идём по вечернему проспекту, Адель несколько смущённо нюхает три красные розы, которые я ей преподнёс, сам не знаю, зачем, и учит меня жизни, – Но, правда, не стоило дарить мне цветы. Вы же не пытаетесь меня задобрить, чтобы я вас больше не фотографировала?

Я решил её позлить.

– Ну что вы, Адель. Конечно, не пытаюсь. Если позволите, я бы сейчас с удовольствием закурил – и можете фотографировать меня, сколько угодно. Мне осталось всего девять снимков до «капсулы». Сделайте их сразу все – и, уверяю вас, вы спасёте себя и наше светлое общество от опасного преступника.

Она остановилась и с недоумением взглянула на меня своими огромными бледно-зелёными, почти прозрачными глазами, жирно обведёнными чем-то чёрным.

– Я всё никак не могу понять ваши шутки. Герберт, вы странный человек. Вы единственный, кто так спокойно относится к фотографиям. Обычно все волнуются, боятся, оправдываются и просят...

– Я не привык унижаться, – я аккуратно беру её под руку и мягко, но настойчиво веду в тихий парк у реки. Девушка вдруг совсем смущается, её рука становится жёсткой и напряжённой.

– Знаете, я что-то очень замёрзла. Зайдём в кафе на берегу, выпьем чая? – как-то неожиданно робко предложила она.

Чёрт возьми! Если я откажусь, это будет выглядеть слишком странно, и она может насторожиться... Если я пойду в это проклятое кафе, мне придётся лишние полчаса выслушивать её глупости. А моим товарищам – ждать меня в холодном сыром парке. Кроме того, мы можем не успеть. Наше время ограничено. Но делать нечего.

Я нервно посмотрел на часы и вспомнил предостережение Экхарта: «Я отключил Городскую Систему Слежения. Не волнуйтесь, ваше лицо не зафиксирует ни одна камера. Девушка исчезнет, не оставив следов. Машину мы поставим со стороны пустыря, там сканеров нет. Номера с неё сняты. Нас никто не сможет отследить. Но вы должны успеть за пятьдесят минут. Запомните: у вас есть ровно пятьдесят минут, чтобы завести её в глухую часть парка, где нет фонарей с камерами».

Мы зашли в тихое уютное кафе и устроились на застеклённой террасе с видом на мрачные воды реки и тёмные силуэты деревьев с кривыми лапами-ветками. Я боялся, что кто-нибудь запомнит моё лицо, и потому заранее накинул капюшон на голову и снял его только тогда, когда уселся на диван спиной к залу. Мы сделали заказ через сенсорные панели на столах; я оплатил его не со своего основного счёта, а с анонимной банковской карты, которую завёл однажды специально для того, чтобы регулярно ходить в «полузапрещённые магазины», не привлекая к себе внимания.

Заметив краем глаза, что к нам приближается бармен с подносом, я сделал вид, будто выронил карточку, и наклонился под стол. «Вам помочь?» – участливо поинтересовался он. «Нет-нет, спасибо. Я уже почти нашёл», – нервно ответил я из-под стола. К счастью, он быстро ушёл, и я вылез, на секунду перехватив удивлённый взгляд своей спутницы. Наверное, я сейчас выгляжу в её глазах полным идиотом.

Адель утопала в мягком кресле, куталась в плед и пила горячий травяной чай. Я потягивал безалкогольное пиво. Девушка, как ни странно, молчала. Чтобы чём-то занять время и заполнить неловкую паузу, говорить пришлось мне.

– Этот чай, должно быть, очень полезный? – я поморщился, уловив резкий запах сена из её чашки.

– Конечно. Он стимулирует работу мозга, бодрит и нормализует давление. Ещё освежает дыхание, уничтожает микробы во рту, укрепляет зубы.

Не девушка, а настоящая энциклопедия здоровья, пользы и позитива. Стремление к саморазвитию, доведённое до абсолюта. Энтузиазм в квадрате, помноженный на десять. Я почувствовал, как на меня накатывает привычная волна раздражения.

– А что, Адель, вы даже ни разу не пробовали алкоголь? Пиво там или вино?

Она с неодобрением посмотрела на мой бокал.

– Два раза в жизни. Давно, лет в семнадцать. Мне не понравилось. Пить спиртное – это всё равно что добровольно делать себя слабее и глупее. Я предпочитаю поступать наоборот.

– Похвально. А как именно? Книжки читаете, спортом занимаетесь?

– Разумеется, что же ещё, – она вдруг стала холодной и колючей. Мне стоит быть осторожнее. Иначе она откажется от продолжения прогулки и уйдёт домой.

– А какие книги? Какой спорт? – с искренним участием поинтересовался я, стараясь сделать тон своего голоса как можно более бодрым и приветливым.

– Книжки по философии, социологии и психологии. Ещё люблю изучать древние религии и историю, – у девушки вдруг загорелись глаза, и она мигом ожила, – А спорт – мне больше всего нравится рукопашный бой. Мы все в дружине занимаемся им. И все группы мышц отлично прорабатываются, и энергией заряжает, и учит через страх переступать, и в жизни может пригодиться!

Я незаметно взглянул на часы. Время ещё есть.

– Вы, наверное, хорошо умеете драться? – я старался изо всех сил, чтобы в моём голосе не была слышна насмешка.

– Хотите проверить? – игриво улыбнулась Адель.

– Хочу, но, увы, не дерусь с девушками, – невольно улыбнулся я в ответ, – Но по крайней мере я видел, что с тем парнем у магазина вы неплохо справились.

– Да он же пьян был, что с него взять! – отмахнулась она, потупив взгляд.

«Какая же она красивая», – невольно подумал я, любуясь ею в приглушённом свете напольной лампы. Огромные светлые глаза, аккуратный, чуть вздёрнутый носик, милая, очень естественная улыбка и резко очерченный подбородок, который придавал её открытому и правильному лицу какое-то упрямое, немного по-детски капризное выражение. Фиолетовые пряди небрежно спадали на лоб при каждом повороте головы и лишь иногда приоткрывали по-бунтарски бритые виски. А её движения... Они одновременно изящные и резкие, плавные и порывистые, женственные и дерзкие. И в этом определённо что-то есть.

– Я никогда не встречал таких девушек, как вы. Вам кто-нибудь говорил, что вы очень красивая и необычная? – не удержался я. От моего раздражения вдруг не осталось и следа.

– Говорили, – на этот раз кокетливо улыбнулась она, – Но от вас мне особенно приятно это слышать.

– Почему? – её улыбка как-то странно на меня влияет.

– Вы редко говорите что-то приятное.

– Значит, вы так хорошо на меня действуете.

Господи, что я делаю? Зачем сижу здесь и говорю комплименты этой девушке? Что она подумает обо мне, когда узнает, кто я на самом деле такой и что мне от неё нужно! Она же уверена, что нравится мне, и я её, кажется, вполне убедил, что это не просто встреча, а свидание... и тут вдруг я схвачу её, свяжу и посажу в машину?

Взглянув на часы ещё раз, я заволновался. Времени остаётся всё меньше. Я могу не успеть. Экхарт может вообразить, что я испугался и передумал. А я и правда уже близок к этому. Моя решимость тает с каждой минутой. Надо действовать, и как можно скорее.

– Адель, вы согрелись? Очень хочется пройтись и подышать свежим воздухом! Весь день сегодня провёл дома, нужно размять ноги.

На этот раз она одарила меня одобрительным взглядом, кивнула и поднялась. Я мгновенно подскочил к ней, галантно отодвинул кресло и помог надеть пальто, за что получил ещё одну обворожительную улыбку.

Может быть, стоит одуматься и просто проводить её до дома? Меня одолевали сомнения. Я не верил сам себе. Неужели я действительно готов увезти эту девушку непонятно куда? Руки дрожали так лихорадочно, что мне пришлось спрятать их в карманах. Ком в горле мешал дышать. По спине лился пот. Я кусал губы до крови. Не думал, что это так сложно! Но я привык доводить начатые дела до конца. И уж если решился на что-то, то не сворачиваю в середине пути.

– Адель, как вы думаете, – неожиданно для самого себя тихо спросил я, – Что стоит делать, если на пути к цели возникают сомнения?

– Просто не обращать на них внимания, – уверенно ответила она, – А почему вы спрашиваете?

– Да так. Мне скоро предстоит кое-что сделать. Но на это тяжело решиться, – я взял её под руку и повёл к выходу из кафе.

– Уверена, такой человек как вы не остановится из-за каких-то сомнений. Вы не похожи на труса. У вас всё обязательно получится!

– Да? Вы правда так думаете? Спасибо за поддержку, – мрачно усмехнулся я.

– Может быть, расскажете мне обо всём? Вы можете мне доверять, – девушка заглянула мне в глаза.

– Конечно. Только чуть позже.

Адель вдруг снова смутилась и аккуратно освободила свою руку.

Комедия затягивалась и превращалась в фарс. Я ощущал себя таким негодяем из криминальной драмы или триллера. Даже музыка в кафе вдруг стала какой-то зловещей и напряжённой.

– Герберт, вы и правда любите гулять в такую погоду? – удивлённо спросила моя очаровательная спутница, когда мы вышли на улицу и оказались под холодным ноябрьским дождём.

– Просто обожаю. После таких прогулок абсент особенно сладок и приятен.

Пятьдесят минут, отведённые мне, неумолимо заканчиваются. Я ускорял шаг, как мог. Только бы она ничего не заподозрила! Мы почти миновали все фонари, на которых могут висеть камеры.

– Вы пьёте абсент? Тогда очень жаль, что я вас не сфотографировала тем утром.

– Да, вам всё-таки стоило это сделать.

Ещё две минуты, и мы на месте. Кажется, успел. Мне нужно будет просто зажать ей рот и затащить в кусты. А там мне помогут товарищи. Мы её свяжем и отнесём в машину.

– Снова вы за своё! Мне кажется, вы способны на гораздо большее, чем пить и...

– Адель, не делайте поспешных выводов о людях, которых вы совсем не знаете, – я увожу её всё глубже и глубже в парк. В этот тёмный осенний вечер здесь совсем безлюдно. Ещё не поздно повернуть обратно. Ещё не поздно.

Девушка вдруг остановилась, огляделась по сторонам и поёжилась. Фонари остались позади. Нас окружала густая ноябрьская темнота.

– Может, повернём обратно? – неуверенно спросила она.

– Давайте пройдем ещё немного вперёд. У меня есть для вас сюрприз, – ухмыльнулся я.

– Хорошо, – легкомысленно согласилась красавица, – А по поводу алкоголя... Герберт, разве не лучше... Разве не лучше освободиться от пагубных привычек и начать жить полной жизнью, осознанно проводя каждое мгновение и радуясь...

– Радуюсь чему? – грубо перебил я её пылкую проповедь.

Бред какой-то. Мне казалось, что всё вокруг происходит помимо моей воли и без моего непосредственного участия, а я просто наблюдаю за спектаклем со стороны, как зритель.

– Осени, природе, дождю... – Адель, такая элегантная и яркая в своём малиновом пальто с какой-то детской восторженностью развернула ладони к затянутому тучами небу.

– Промозглому ветру и ноябрьской грязи? – насмешливо уточнил я, взглянув вниз на свои почерневшие ботинки.

– Разве вы не чувствуете, какое это уютное и тёплое время года, несмотря на сырость и темноту? Это прекрасная пора для новых свершений! Сейчас так хорошо заниматься спортом, а потом, вернувшись домой, садиться за мольберт с чашкой горячего чая и творить... – она осеклась, заметив, как близко я к ней подошёл, – А вам нравится рисовать, Герберт? – Адель вежливо попыталась отстраниться от меня.

– Безумно, – ответил я и, не сводя откровенно насмешливого взгляда с прекрасного испуганного лица, обхватил её тонкую талию рукой, крепко прижал к себе и впился поцелуем в её губы.

«Беги!», – отчаянно хотел ей крикнуть Герберт-из-прошлой-тёмной-эпохи.

«Вот ты и попалась, красавица», – сказал ей новый Герберт-из-золотого-века. Зажал рот рукой и потащил в заросли кустов, где меня уже ждали Экхарт и Джа с верёвкой и снотворным.

В моем воспалённом сознании вдруг отчётливо всплыло лицо погибшей жены. Марта. Моя Марта. Что бы ты сказала, если бы видела меня сейчас? Ты поняла бы меня и простила – или стала бы презирать?

ЧАСТЬ II

Глава 1. В штаб-квартире. День первый

Я сидел и смотрел, как она спит. Дитя своего времени. Безмятежная и нежная улыбка застыла на её губах, словно она видела сладкие сны в своей постели, а не лежала связанная на матрасе в холодном подвале, который мои новые приятели гордо именовали штаб-квартирой. Этот подвал представлял собой целую сеть подземных ходов и коридоров, которые расходились в десятки отдельных помещений-комнат, служивших кухней, спальнями и переговорными. Здесь было промозгло и сыро, благо, инфракрасные лампы хоть как-то нагревали воздух и позволяли не стучать зубами от холода. Тем не менее уютным этот каменный бункер едва ли можно было назвать.

Её спокойное лицо, обрамлённое фиолетовым ореолом волос, тускло освещали лучи серо-зелёной длинной лампы под потолком. Зловещая, мрачноватая атмосфера, в которой эта восторженная и пылкая активистка казалась гостьей из другого мира. Мне на ум вдруг пришла нелепая ассоциация, что девушка похожа на яркий экзотический цветок, который я сорвал на солнечном лугу и притащил в своё логово, чтобы спрятать от всех в темноте и могильном холоде этого склепа.

– Эй, Герберт, наша пленница ещё не проснулась? – крикнул Экхарт, проходя мимо по коридору.

– Нет.

Странно, пора бы ей уже прийти в себя. Уже утро. Неужели снотворное действует дольше двенадцати часов? А вдруг мы вкололи ей слишком большую дозу? Я с тревогой приложил палец к её шее, нащупал пульс и посчитал удары сердца. Всё в порядке. Дышит спокойно и ровно, сердце бьётся размеренно. Пусть тогда спит дальше. И чем дольше, тем лучше.

Мы везли её сюда больше трёх часов. Дорогу я помню плохо. Всё происходило в каком-то тумане, смутно и размыто, как в дурном, изматывающем сне. Экхарт сидел за рулём, Джа рядом с ним, а я – на заднем сидении вместе с Адель. Её голова лежала на моих коленях, и я следил, чтобы девушка не упала и не ударилась. Она так отчаянно сопротивлялась, что Джа лишь со второго раза сумел вонзить иглу со снотворным ей в шею. Она сопротивлялась до тех пор, пока полностью не обмякла в моих руках. А я так и не смог до конца осознать, что я сделал.

Кстати, и зачем она до сих пор связана? Всё равно никуда не убежит, да и не убежала бы – так, пустая предосторожность и формальность. Аккуратно, чуть дыша и боясь потревожить её сон, я разрезал ножом верёвку, которая стягивала её стройные ноги в клетчатых брюках и, едва только потянулся к рукам, чтобы освободить и их, как красавица внезапно распахнула глаза.

«Надо было заклеить ей рот», – пронеслась запоздалая мысль у меня в голове. Я не боялся, что она будет кричать и звать на помощь: отсюда до ближайшего населённого пункта не менее пятидесяти километров. Я боялся того, *что* она мне скажет.

Я лишь успел спрятать нож, чтобы не напугать её ещё больше, и застыл в совершенно глупой позе, сидя перед ней на грязном полу. Адель смотрела то на меня, не мигая, то оглядывалась по сторонам – и молчала. Я отвечал ей тем же. Я напряжённо и как-то сосредоточенно ждал, что она вот-вот начнёт кричать, плакать, обвинять меня во всех смертных грехах эпохи Кали и требовать немедленно её отпустить... Но я ошибался.

– Герберт, зачем вы меня сюда привезли? – не меняя выражения лица, совершенно спокойно спросила она.

– Простите, Адель, но вам придётся какое-то время пожить здесь, – я взял себя в руки, и мне удалось сделать тон своего голоса достаточно небрежным и насмешливым, – Я ведь

предупреждал вас, что я опасный преступник, и просил держаться от меня подальше... Вы не послушали. Это будет вам уроком. Не стоит столь опрометчиво напрашиваться в гости к незнакомым мужчинам, гулять с ними по безлюдному парку и...

– Зачем я здесь? – чуть возвысив голос, перебила мой поток красноречия пленница.

– Вы что-нибудь слышали про такую вещь, как похищение? Я имею в виду, когда людей увозят куда-то и держат в заложниках, шантажируя этим других людей, – наигранно ласковым тоном, как маленькому ребёнку, принялся объяснять я этой девушке. Она родилась в эпоху, когда такие преступления остались лишь на страницах книг и в воспоминаниях стариков. Таких, как я сам. Что ж, пора бы ей снять свои розовые очки и перестать бредить о прекрасном времени и «великой анархии».

– И кого вы собрались шантажировать? Очевидно, моих друзей из дружины? Что вам нужно?

– Вы узнаете обо всём, когда придёт время.

– Развяжите меня, – всё так же спокойно, но твёрдо потребовала Адель и протянула мне руки.

– Просто чтобы вы понимали: команду здесь я, а не вы, – с показной невозмутимостью, будто всю свою жизнь я только и делал, что похищал красивых девушек, я принялся развязывать узел на её тонких запястьях. – Я не хочу вас обижать, поэтому вам лучше во всём меня слушаться, и тогда с вами не случится ничего...

На секунду свет перед моими глазами моргнул. Зубы неприятно щёлкнули. Щека и челюсть онемели от боли. Хороший удар. Восхитительный даже. Прекрасно поставленный хук справа: «чистый», молниеносный и техничный – не мог не оценить я, столь любивший бокс в прошлой жизни.

Возможно, мне показалось, но она слегка напряглась, ожидая моей реакции на её удар. Я медленно встал и, не говоря ни слова, вышел из пустой каменной комнатки. Через пару мгновений вернулся с новым отрезком верёвки. Девушка была уже в дверях. Увидев меня, она попятилась. С каждым моим шагом она отступала назад, пока не прижалась лопатками к стене. Я сделал пригласительный жест, указывая ей на матрас. Она смотрела на меня с плохо скрываемой яростью, но не задавала больше вопросов и не решалась сопротивляться.

Я молча взял её руки и снова связал их, с силой затягивая узлы. С каким-то мрачным и мстительным удовлетворением, которое неприятно удивило меня самого, я смотрел, как жёсткая верёвка впивается в нежную кожу её запястий, оставляя красные следы. Ничего... Развяжу позже. Это для её же блага. Ладно, она ударила меня, но если она будет так же бросаться на других – уверен, кто-нибудь вроде Джа обязательно захочет ударить её в ответ. Может быть, чуть ослабить верёвку? Нет, не буду – в конце концов, это не самое подходящее время и место, чтобы проявлять заботу и нежность. Пусть знает. Справившись с собой, я удалился, заперев дверь на массивный тяжеловесный замок – и где они только откопали его в век, когда всё закрывается на карты с датчиками? – и, кажется, когда я взглянул на неё последний раз, по её бледному лицу всё-таки пробежала тень страха. Чтобы заглушить приступы совести, я крепко приложился к бутылке абсента – и направился к Экхарту – узнать новые подробности о «золотой эпохе» и распалить свою ненависть к ней.

– А, Герберт, входите, – доброжелательно пригласил меня руководитель общества, едва я шагнул на порог его кабинета, – Вы отлично справились с первой задачей. Я рад видеть вас в наших кругах. Хотите сигару?

– Благодарю вас.

Экхарт протянул мне сигару и широким жестом указал на кресло, а сам продолжил разбирать какие-то бумаги.

– Знаете, люблю иногда по старинке пользоваться бумажными документами и письмами. Как бы ни были хороши наши системы по защите информации, какой бы надёжной ни была наша закрытая сеть, всё равно... Мне спокойнее, когда я вижу, как горит бумага. И я точно уверен, что её никто никогда не прочитает.

Мой взгляд упал на толстую папку с названием «Программа партии. Контранархия. Новый государственный строй». Выглядит внушительно. Экхарт перехватил этот мой взгляд и с готовностью предложил ознакомиться с основными постулатами нашей будущей партии, заметив, что ему понадобятся мои советы и помощь в дальнейшей её проработке. Я перебирал в руках пронумерованные отпечатанные листы и восхищался масштабом мысли и стройной логикой этого человека. Признаться, я был польщён, что он доверяет мне и даже предлагает принять в этом участие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.